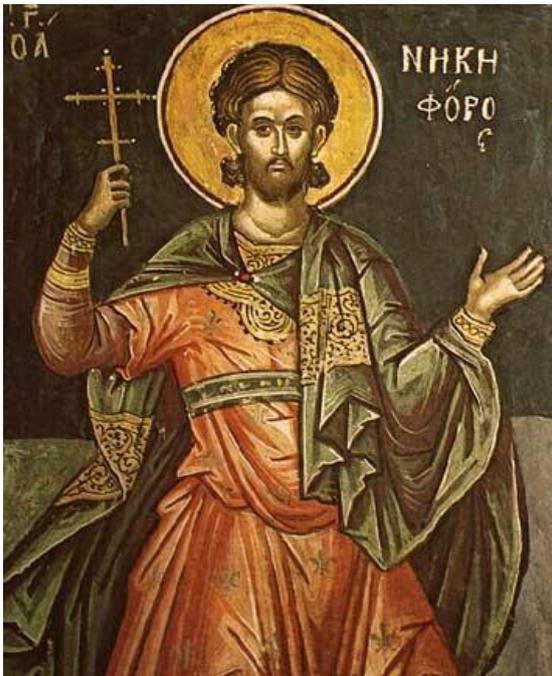

Память 22 февраля (ст.стиль 09 февраля)

Страдайте святого мученика Никифора

В великой Антиохии Сирийской, жили - некий пресвитер, по имени Саприкий, и протест, - гражданин Никифор. Они питали друг к другу такую любовь и так были дружны, что некоторые считали их родными братьями.

После многих лет такой дружбы, им позавидовал ненавидящий всё доброе, диавол и посеял в них такие плевелы вражды, что они не желали даже встречаться друг с другом на дороге: так они возненавидели друг друга; и насколько прежде между ними царили любовь и дружба, настолько после, по действию сатаны, воскипела у них друг к другу ненависть и вражда.

Прожив в такой ненависти и вражде друг с другом довольно долгое время, Никифор, придя в себя и уразумев, что эту вражду сеет диавол, стал просить своих друзей и соседей, чтобы они отправились к пресвитеру Саприкию и умолили бы его простить его, кающегося, и возлюбить

прежнюю любовь; но пресвитер не захотел оставить своей вражды против него.

Тогда Никифор снова послал других друзей с тою же просьбою, но пресвитер и их слушать не захотел. Он также отверг и в третий раз посланных и не послушал их моления, и, таким образом, не преклонился на милость, дабы простить брата, смиренно ищущего прощения. Наоборот, ожесточив сердце свое, он оставался неумолимым, забыв слова Господа нашего Иисуса Христа, сказавшего: **"прощайте, и прощены будете"** (Лук. 6:37); и еще: **"Итак, если ты принесешь дар твой к жертвеннику и там вспомнишь, что брат твой имеет что-нибудь против тебя, оставь там дар твой пред жертвенником, и пойди прежде примиришься с братом твоим, и тогда приди и принеси дар твой... Ибо если вы будете прощать людям согрешения их, то простит и вам Отец ваш Небесный"** (Мф.5:23-24; 6:14).

Тогда Никифор, видя, что Саприкий пресвитер не хочет принять ходатайства о нем, сам пошел к нему и, припав к его ногам, сказал ему:

- Прости меня, отче, ради Господа прости.

А Саприкий даже и не взглянул на него; он был человеком немилосердным и не имел ни любви, ни страха Господня; будучи христианином и пресвитером, он и без просьбы должен был простить брата своего. Не получив прощения, Никифор пошел от него посрамленным и отверженным.

В это время, - в царствование Валериана и Галлиена¹, - как христианин схвачен был и Саприкий и представлен был игемону на истязание.

Игемон спросил:

- Как твое имя?

- Я называюсь Саприкием, - отвечал тот.

- Какого ты рода? - спросил игемон.

- Я христианин, - отвечал Саприкий.

- Ты клирик? - снова спросил игемон.

- Я пресвитер, - отвечал Саприкий. Тогда игемон сказал:

- Цари наши, владыки страны этой и всех пределов римских, Валериан и Галлиен, повелели, дабы те, кои именуют себя христианами, принесли жертвы бессмертным богам;

а кто, презрев, отвергнет повеление царское, тот пусть да знает, что он, после всевозможных мук, осужден будет на тяжкую смерть.

После этих слов Саприкий, предстоя игемону, сказал:

- О, игемон! мы, христиане, имеем Царя, - Христа Бога, ибо Он один есть Истинный Бог и Создатель неба и земли, моря и всего, что находится в них; все же боги языческие суть бесы, и да уничтожатся они с лица всей земли; как дела рук человеческих, они никому не могут помочь".

Тогда разгневанный игемон повелел растянуть его на колесо и безжалостно мучить. Среди этих истязаний Саприкий сказал игемону:

- Ты имеешь власть над телом моим, над душою же моею не имеешь никакой власти: над нею имеет власть только один Создавший ее Иисус Христос.

После этого Саприкий мужественно претерпел все причиненные ему муки.

Видя его непреклонным, жестокий судья издал на него такой смертный приговор:

"Пресвитера Саприкия, презревшего царское повеление и не пожелавшего принести жертвы бессмертным богам и оставить христианское заблуждение, повелеваем усечь мечем".

В то время, как Саприкий шел на казнь, в надежде получить небесный венец мученичества, блаженный Никифор, услышав об этом, поспешил к нему на встречу и, припав к ногам его, сказал:

- Мученик Христов, прости меня, я согрешил пред тобою!

Тот же на это не ответил ему ничего, так как сердце его попрежнему было объято бесовскою злобою.

На дальнейшем пути к месту казни святой Никифор снова припал к ногам Саприкия, говоря:

- Мученик Христов, прости меня, в чем я согрешил пред тобою, как человек; вот тебе дается с небес венец от Христа, так как ты не отвергся Его, но исповедывал имя Его святое пред многими.

Саприкий же, ослепленный ненавистью и жестокосердый для прощения, оставался неумолимым, вовсе не показывая намерения простить его. Он даже и слова не сказал к упрашивавшему его собрату, так что даже сами мучители удивлялись ожесточению Саприкия и говорили Никифору:

- Такого безумного человека, как ты, мы никогда не видали: теперь вот он идет уже на смерть, а ты еще усерднее умоляешь его: разве по смерти он может в чем-нибудь тебе повредить? и зачем тебе нужно примириться с тем, кто сейчас умрет?

На это святой Никифор ответил им:

- Не знаете вы, чего я прошу у исповедника Христова, но Бог знает.

Когда они пришли на место, где Саприкия должны были усечь мечем, святой Никифор снова обратился к нему:

- Молю тебя, мученик Христов, сказал он, прости меня, если я в чем согрешил пред тобою, как человек. Писано: "**Просите, и дано будет вам**" (Мф.7:7), - вот я тебя умоляю, - и так подай мне прощение.

Но жестокосердой друг его Саприкий не преклонился на такие моления; он не вспомнил слов Господа: "**Иисус сказал ему: возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим... возлюби ближнего твоего, как самого себя**" (Мф.22:37, 39); но, закрыв уши сердца своего и тела, оставался как глухой аспид, отвергая моление закликающего его. Итак, Саприкий не внял реченному в Евангелии, что кто прощает ближнему своему, тот и сам будет прощен, и не послушал слов Господа: "**какою мерою мерите, такою и вам будут мерить**" (Мф.7:2). Вот почему Господь, праведный Судия, по справедливому суду Своему, отъял благодать Свою от Саприкия, и тотчас же тот отпал от Господа и лишился сплетенного им для себя венца мученичества.

Когда мучители сказали Саприкию: "преклони колени твои, чтобы мы могли отсечь голову твою", - он сказал им:

- За что вы хотите усечь меня?

Воины на это ответили:

- За то, что ты не хотел принести жертвы богам и ослушался царского повеления ради некоего человека, именуемого Христом.

Услышав это, окаянный Саприкий сказал им:

- Не убивайте меня, ибо я исполню то, что повелевают цари: поклонюсь богам и принесу им жертву.

Так ненависть ослепила сердце Саприкия! Она отторгла его от благодати Божией, и он, прежде мучимой и не отвергавшийся Христа, теперь, вместо того, чтобы приять уже мученический венец славы, отрекся от жизни вечной и стал отступником.

Услышав эти безумные слова Саприкия, Никифор стал со слезами на глазах умолять его:

- Не делай сего, о возлюбленный брат! не отвергайся Господа нашего Иисуса Христа! не губи того венца небесного, которой ты сплел себе среди твоих страданий! вот у дверей стоит Владыка Христос, Которой снова явится тебе, и воздаст тебе жизнь вечную за сию временную смерть, которую ты пришел принять на это место.

Саприкий же не слушал его молений: он спешил к вечной смерти, теряя вместе с тем ту бесконечную жизнь, которую должен был воспринять чрез один удар меча.

Святой же Никифор, видя, что Саприкий совершенно отпал от святой веры и отторгся от Христа - Истинного Бога, начал громким голосом так взывать к мучителям:

- Я - христианин и верую в Господа нашего Иисуса Христа, Коего отвергся Саприкий; итак, усеките меня вместо Саприкия.

Воины, не смея умерщвлять его без повеления игемона, весьма удивлялись, что он самовольно предает себя на смерть, совершенно свободно восклицая:

- Я - христианин и вашим богам не принесу жертвы!

Тогда один из мучителей, явившись к игемону, возвестил ему, что Саприкий обещался принести жертву богам, но есть некий, - добавил он, - который желает умереть за так называемого Христа, и потому громко восклицает:

- Я - христианин, богам вашим не принесу жертву и царских повелений не послушаюсь!

Услышав это, игемон приказал Саприкия отпустить на свободу, а Никифора вместо него усечь мечом. Так святой мученик умерщвлен был за Христа, в девятый день месяца февраля², и, радуясь, отошел ко Христу Господу, дабы приять от десницы Его венец победы и предстать Ему в лике святых мучеников, славящих Отца, и Сына, и Святого Духа, Единого в Троице Бога, Ему же честь и поклонение, слава и держава во веки, аминь.

Кондак, глас 1:

Любве союзом связався Никифоре, разрушил еси явле злобу ненависти, и мечем во главу твою усечен был еси, мученик Божественный воплощагося Спаса, Егоже о нас моли, поющих славную память твою.

Другой кондак, глас 3:

Вперився славне Господнею любвию, и сего славный крест на рамо взем, посрамил еси диаволи козни, пострадал еси даже до смерти, и истины явился еси победоносец, оружник и таинник Божия благодати.

---

1 Валериан царствовал с 253 по 259 г., сын его Галлиен царствовал с 260-268 г. Еще при жизни отца он был сделан им кесарем и соправителем.

2 Св. мученик Никифор пострадал и скончался около 257 года.

Память святых священномучеников Маркелла, епископа Сицилийского, Филагрия, епископа Кипрского

Святые священномученики Маркелл и Филагрий были учениками святого Апостола Петра. Во время земной жизни Христа святой Маркелл проживал в городе Антиохии. Слыша о чудесах Господа, он пришел из Антиохии в Иерусалим, чтобы увидеть Его, и тогда же познакомился с Апостолом Петром. После воскресения Христа святой Маркелл был поставлен Апостолом во епископы Сицилии и мученически скончался там после того, как множество язычников обратил ко Христу. Святой же Филагрий был епископом на острове Кипре, ревностно проповедывал веру во Христа и, претерпев за это множество мучений, отошел ко Господу.

Святитель Иннокентий (Кульчицкий), епископ Иркутский

Дни памяти

- 22 февраля - Обретение мощей
- 23 июня - Собор Сибирских святых
- 29 июня (переходящая) - Собор Санкт-Петербургских святых
- 23 октября - Собор Волынских святых
- 9 декабря

Святой Иннокентий, в миру Иоанн, происходил из дворянского рода Кульчицких, или Кольчецких. В половине XVII века родители святого и некоторые родственники его переселились из Волыни в Малороссию, в Черниговскую губернию, вследствие голода и тяжести польского владычества. Многие лица из этого рода проходили духовные должности и отличались своим благочестием. О родителях святителя ничего не известно. Сохранилось только предание, что они были люди благочестивые и богобоязненные.

Святой Иоанн родился около 1680 года. Когда он достиг отроческого возраста, то около 1695 года отдан был в училище при Киевском Богоявленском монастыре. Здесь святой отрок обучался риторике, философии, богословию и языкам: латинскому, греческому и польскому. Училище при Киевском Богоявленском монастыре, переименованное в 1701 году в академию, было тогда лучшим рассадником просвещения и благочестия в Юго-Западной Руси. В то время в нем преподавали многие знаменитые мужи. Ректором академии был ученый архимандрит Иоасаф Кроковский, словесность преподавал Стефан Яворский, впоследствии митрополит Рязанский и местоблюститель патриаршего престола. В то же время был наставником в академии и знаменитейший проповедник царствования Петра I – Феофан Прокопович.

Блаженный Иоанн прилежно занимался науками; до нас дошло много книг, переписанных рукою святителя или принадлежавших ему. Особенно же ревностно изучал святой Иоанн словесность и читал западнорусских проповедников, так как желал впоследствии подвизаться в проповедании слова Божия. Не менее любил он читать

творения отцов и учителей Церкви и другие назидательные книги. Молитва и изучение Слова Божия – таковы были занятия блаженного Иоанна в годы учения. Но святой этим не довольствовался: сердце его давно уже горело любовью к Богу. Уже давно мечтал он о том, чтобы посвятить себя всецело на служение Господу. Внешние тяжелые обстоятельства побудили его ускорить свое намерение. Смерть родителей, чума, появившаяся тогда в Киеве, наконец, вероятно, преследование Мазепой всего рода Кульчицких представили блаженному Иоанну еще более тщетность и суету сей жизни. Посему, окончив в 1706 году курс обучения в Киевской академии, он воспринял иночество и вступил с именем Иннокентия в число братии Киево-Печерской обители.

Недолго, однако, блаженный Иннокентий подвизался в Киевской Лавре. В 1710 году он был вызван в Москву Стефаном Яворским для преподавания в Московской Славяно-Греко-Латинской академии. Эта академия находилась в Заиконоспасском монастыре. Здесь святой Иннокентий преподавал словесность и поучал своих учеников искусству церковного витийства. В 1714 году святой был назначен префектом академии. Его обязанностью было наблюдать за порядком внутренней и внешней жизни воспитанников, а кроме того он еще преподавал нравственное богословие и философию. Такую должность он занимал до 1719 года. В этом году он был вызван в звании соборного иеромонаха в Александро-Невскую лавру и назначен на корабль «Самсон», стоявший в Ревеле. Вскоре он был переведен обер-иеромонахом в город Або. Занимая сию должность, святой был начальником флотских иеромонахов, служивших в Финляндском корпусе, надзирал за их поведением, разрешал недоразумения и сносился о церковных нуждах с Святейшим Синодом. Так как святой Иннокентий по обязанности своей службы каждую неделю должен был посещать каждый корабль, то, вероятно, он хорошо был известен государю, так любившему созданный им флот.

Но Господь назначил Своему угоднику новое, высшее служение. Он судил ему быть просветителем отдаленнейшей окраины русского государства – Восточной Сибири.

Сибирь, завоеванная в 80-х годах XVI века, хотя медленно, но непрерывно заселялась русскими переселенцами. По берегам многочисленных рек они строили зимовья для сбора дани с инородцев, остроги для военной защиты от их набегов в города, где сосредоточивалось управление завоеванного края. Вместе с расселением русских по обширной Сибири распространялась и Христова вера: по зимовьям ставились кресты или часовни, по острогам строились церкви, а по городам – церкви и монастыри. В 1620 году была открыта Сибирская епархия в городе Тобольске. Но одного епископа, разумеется, было недостаточно для огромной страны, и церковная жизнь Сибири за все XVII столетие представляла грустную картину вопиющих беспорядков. Духовенства было недостаточно, и многие церкви стояли без пения; монастыри жили без устава, и монахи были таковыми только по имени. Среди верующих, не исключая и духовенства с монашеством, встречались такие пороки и царила такая распущенность, что неприлично и описывать. Сибирь нуждалась в апостолах веры Христовой.

В половине XVII столетия русские переселенцы дошли до границы Китайской империи, до озера Байкал и реки Амур. В то время были там построены небольшие крепости – остроги: в 1654 году построен Нерчинский острог, в 1665 году – Селенгинский, оба на восточной стороне Байкала, а на западной еще ранее, в 1652 году, было основано Иркутское городище для сбора дани с соседних инородцев. Благодаря этим русским переселенцам начинаются сношения и столкновения с Китаем; от них проникает в Китай и православная христианская вера. В 1650 году казацкий атаман Иерофей Хабаров занял китайский город Албазин на левом берегу реки Амура. Укрепившись в Албазине и настроив городков, казаки держались здесь тридцать пять лет и отсюда владели всем течением Амура. Но в 1685 году китайцы осадили 450 казаков, засевших в Албазине, с 15-тысячным войском и многочисленной артиллерией, и, истребив часть русских, остальных (около 300 человек) взяли в плен. Китайцы предложили пленникам на выбор – или вернуться в свои сибирские поселения, или поступить в подданство китайскому богдыхану. Из них перешло в

китайское подданство только 45 человек с женщинами и детьми. Эти пленные албазинцы и были зерном православной русской миссии в Китае. При выходе своем из Албазина они взяли с собою из крепостной церкви бедную церковную утварь с иконами и в числе их – образ святителя Николая, а также насильно увлекли с собою священника Максима Леонтьева. Русские пленники были приняты богдыханом Канси очень ласково, поселены были в самой столице Китая – в Пекине, на так называемом «Берестовом урочище», в северо-восточном углу столицы, у самой городской стены. (Богдыхан Канси царствовал с 1662 по 1722 гг. Он был государь мягкий и сочувствовавший европейцам. В его продолжительное царствование сделала большие успехи в Китае католическая миссия). Спустя немного времени богдыхан отдал пленным христианам буддийское капище, которое они переделали в часовню. Сами пленники причислены были к почетному сословию воинов. В 1696 году часовня превращена была в церковь во имя Святой Софии Премудрости Божией, хотя обычно называлась Никольской по имени чтимой иконы. Престарелый отец Максим ревностно трудился на чужбине и продолжал свою пастырскую деятельность до самой кончины своей, последовавшей в 1711 или 1712 году.

По мысли митрополита Тобольского Филофея, неутомимого «апостола Сибири», в 1715 году с согласия богдыхана отправлена была первая русская миссия из десяти лиц под начальством архимандрита Илариона Лежайского. Богдыхан принял миссию ласково, дал ей содержание и дозволил богослужение.

В 1718 году настоятель миссии архимандрит Иларион скончался. На его место Святейшим Синодом был назначен святой Иннокентий. Еще до возведения его в сан архимандрита до Синода дошли слухи, что китайский император Канси склонен принять христианство (слух этот после оказался неверным). По сему поводу Тобольский митрополит Филофей, от которого была в зависимости и китайская миссия, писал сибирскому губернатору князю Гагарину, чтобы он сообщил о том Стефану Яворскому: «Полезно было бы при назначении доброго и мудрого человека в Пекин почтить его чином архиерейским или архипастырским и клиру с ним сослать человек пятнадцать».

Святейший Синод, рассмотрев это дело, определил послать в Пекин, столицу Китая, епископа, чтобы он мог рукополагать священников и диаконов. Епископом в Пекин и выбрали святого Иннокентия – мужа, известного своим благочестием и ученостью. Это определение решено было повергнуть на усмотрение императора Петра I. Во время производства этого дела архимандрит Александро-Невской Лавры Феодосий был назначен епископом Новгородским, а святому Иннокентию было временно поручено исполнять должность наместника Лавры.

14 февраля 1721 года Святейший Синод доложил императору Петру I: «Определенного в Хинское государство (то есть в Китай) иеромонаха Иннокентия Кульчицкого архиереем Иркутским и Нерчинским для близости к оному государству посвятить ли? и оного для удобнейшего обхождения от Сибирской епархии отделить ли?»

Государь повелел: «В архиереи посвятить, но лучше без титула городов, понеже сии города порубежные к Хине (то есть к Китаю), чтобы иезуиты не перетолковали низко и бедства б не нанесли».

Тогда святой Иннокентий донес в Синод: «Понеже Богу, царскому величеству и Вашему Святейшему Синоду тако изволися, во еже бо мене, нижеподписаннаго, почет саном епископства, послать в Китай на дело, яже Вам известно, сего ради и аз таких высоких лиц воле не противяся, но паче со всяким достодолжным почтением обლობыая, дерзая некия нужды, без которых тамо и на пути быти невозможно, изъявити».

В дальнейшем донесении блаженный Иннокентий просил отпустить необходимые для богослужения вещи и потребную сумму.

5 марта 1721 года святой Иннокентий был посвящен в епископа в Петербурге в присутствии самого государя. Но так как по церковным правилам всякий епископ должен именоваться по области, то блаженного Иннокентия нарекли епископом Переяславским от имени Переяславля-Залесского. В указе Святейшего Синода сказано, что Иннокентий

рукоположен во епископа для «проповеди слова Божия и размножения ради православных восточного благочестия веры в Хинское государство, где архиерея прежде сего не бывало».

Назначая Иннокентия на евангельскую проповедь, Святейший Синод в то же время поставил его в независимое положение относительно митрополита Сибирского, подчинил новопоставленного святителя непосредственно себе, а Сибирскому владыке предписывал помогать епископу Иннокентию в его сношениях со Святейшим Синодом.

19 апреля 1721 года святитель вместе с двумя иеромонахами, двумя диаконами, пятью певчими и с несколькими служителями выехал из Петербурга в Москву. В Москве святитель получил грамоту от Сената, в которой говорилось между прочим, чтобы по прибытии своем в Китай не разглашал там о себе, что имеет архиерейский сан, – и это затем, чтобы не учинилось какое-нибудь препятствие от иезуитов, противников православной веры, которые издревле имели обычай сеять посреди пшеницы православия плевелы раздоров и поношений. Если же случайно кто-нибудь из тамошних знатных и высоких лиц спросит его о чине, то мог сказать, что имеет чин епископства ради того, что может рукоположить священника и диакона, когда их надобно будет на место умерших, а не ради чего другого. Но и такое заявление предписывалось делать с большою осторожностью.

Еще святитель не покидал Россию, как уже власти опасались враждебных действий со стороны китайцев и в особенности со стороны хитрых иезуитов. Ожидания эти оправдались, но исполнилось также и то, чего Святейший Синод ждал от святого Иннокентия. На отдаленной окраине Русского государства святитель был истинным пастырем, ярким светочем Христова учения, приведшим ко Господу немало душ из тьмы язычества.

Перед отъездом в Сибирь святому Иннокентию были выданы из патриаршей ризницы серебряные сосуды и омофор. Прочую же необходимую утварь по синодальному распоряжению взяли в Суздале из ризницы митрополита Ефрема. А богослужебные книги были выданы ему из Синодальной типографии.

Около года употребил святитель, чтобы достигнуть города Иркутска, где он должен был ждать дальнейших распоряжений Синода. Путешествие было весьма тягостно и трудно. Много опасностей грозило путешественникам. Суровый климат, незнакомые места, отсутствие дорог, дикие звери, инородцы-кочевники – все это пришлось перенести святому Иннокентию и его спутникам. Им пришлось иметь с собою порох и ружья. Наконец, в марте 1722 года святитель вместе со своей свитой прибыл в Иркутск. Иркутский воевода Полуектов немедленно послал грамоту нашего правительства в Ургу к Тушетхану, монгольскому владетелю, через которого обычно пересылались грамоты китайскому правительству со стороны России.

Незадолго перед этим временем, в 1719 году, император Петр I отправил в Пекин посольство для разрешения вопросов о свободной торговле России с Китаем. Посланником был назначен капитан гвардейского Преображенского полка Лев Измайлов. В инструкции, данной Измайлову, стояли требования, чтобы китайское правительство не возбраняло приезжавшим русским содержать свою веру, чтобы оно разрешило постройку православной церкви и отвело для нее место. Но посольство Измайлова не имело успеха: разрешения на постройку второй церкви дано не было. В это время пришло в Пекин известие, что 700 человек монголов перебежали русскую границу. Этим китайское правительство воспользовалось, чтобы прекратить переговоры с русским посланником: Измайлову объявили, что до тех пор не дадут ответ на его предложения, пока не кончится дело о беглецах. Измайлов должен был уехать из Китая в марте 1721 года.

Когда святой Иннокентий приблизился к китайской границе, в это время из Китая уже выехал наш посланник. Тушетхан сообщил нашему правительству, что при рекомендательной грамоте святителю нет письма от сибирского губернатора к нему, Тушетхану, и вообще русская новая миссия не может быть принята ранее, чем кончатся переговоры о выдаче беглецов. Причиной такого нерасположения китайцев следует считать зависть иезуитов. В листе, или рекомендательной грамоте, посланной из Сената в

отсутствие Петра Великого, святитель был назван «духовной особой, господином Иннокентием Кульчицким». Иезуиты поспешили объяснить в неблагоприятном для нас смысле, что должно подразумевать под словами «господин, духовная особа».

Присланная вскоре тобольским губернатором к Тушетхану грамота еще более затруднила и без того запутанные отношения. Согласно с обычаем, Иннокентий был назван в этой грамоте «великим господином». Китайское правительство отвечало, что богдыхан не может принять такой великой и важной особы. Так дело о посылке в Китай святителя не могло быть приведено к желанному концу. Подозрительность и замкнутость китайцев, интриги и зависть иезуитов, тяжелые исторические условия, которые тогда переживало русское государство – это было время персидского похода (персидский поход был в 1722 г. император Петр I принимал в нем личное участие) – вот главные причины, воспрепятствовавшие успеху миссии.

Между тем положение святителя, который проживал тогда в Троицком Селенгинском монастыре, было крайне тягостно. Он неоднократно обращался в Синод за дальнейшими распоряжениями.

«Где мне главу приклонити и прочее жития моего время окончити Святейший Правительствующий Синод заблагорассудит? Прошу покорно о милостивом указе, что мне делать: сидеть ли в Селенгинске и ждать того, чего не ведаю, или возвратиться назад? И чем? Понеже без указа подвод не дадут. И куда? Понеже лисы язвыны имеют на опочинок (то есть для отдыха), я же по сие время не имам, где главы приклонити. Скитаюся бо со двора на двор и из дома в дом преходящи».

Так описывал сам святитель свое положение. Святейший Синод, надеясь, что положение дел изменится к лучшему, прислал в 1723 году святителю указ, которым повелевал ему пребывать в Селенгинске до тех пор, пока не изменятся обстоятельства.

Положение святителя все более и более становилось бедственным и затруднительным. Жалованье стали задерживать и не выдавать, писем в Россию нельзя было посылать, так как китайцы их перехватывали.

«Что ми хочет Святейший Синод творить и куда обратить? Ибо зело печален есть, не ведая пути, в онъже пойду», – писал святитель в Синод.

Не получая жалования, он сам и его свита питались добротными даяниями русских купцов; свита занималась рыбной ловлей, святитель сам чинил свое изношенное платье. Скучна и бедна была жизнь чинов китайской миссии, но, богатый смирением и терпением, святитель подавал всем пример и утешал надеждой на будущее воздаяние. Единственной отрадой для блаженного Иннокентия было тогда совершать богослужение в Селенгинском соборе. Но нужда заставила его переехать на дачу Троицкого Селенгинского монастыря. Эта дача находилась на левом берегу реки Хилки, против селения Красноярского. В бывшем при той даче храме святитель изливал в молитвах пред Господом свою печаль; лишь одна молитва и поддерживала святого. Несмотря на тягостные условия жизни, святитель не любил оставаться в праздности. В свободное от молитв время он писал иконы. Много таких икон, писанных его рукою, сохранялось в храме села Куналеи, к которому приписано было Красноярское. В то же время святитель проповедовал слово Божие жившим вокруг бурятам и монголам и много содействовал утверждению среди них истинной веры Христовой. Посему Церковь, вспоминая о святителе, воспевает: «Радуйся, яко проповедию Евангелия, тобою к языкам монгольским принесенной, злоухищрение душ человеческих жестоко посрамися». В Селенгинске и на даче монастыря святой прожил три года.

Между тем в Китае произошли перемены. Еще в конце 1722 года помер престарелый богдыхан Канси и на престол вступил сын его Юн-чжен. Новый государь был очень нерасположен к иностранцам и к христианам: он распорядился выслать из пределов Китая большую часть католических миссионеров, храмы их обратить в общественные дома, строго воспретил совершать богослужение. В этом нерасположении китайского государя к

христианам и заключалась теперь главная причина того неопределенного положения, в котором находился святитель Иннокентий.

В августе 1724 года возобновились переговоры с китайскими уполномоченными, которые прибыли в Селенгинск. Но они отказались хлопотать перед своим правительством о пропуске святого Иннокентия. «Мы теперь не можем принять его, пока не доложим богдыхану, а когда будет от самодержца всероссийского некая персона с такими же полномочиями, какие у нас, и договор сделается о всем, за чем мы были присланы, снова будем тогда (хлопотать) и об этом господине, получив инструкции от нашего государя, принят ли он будет или нет».

Так китайские уполномоченные потребовали прежде всего отправки посла в Петербург; на это нужно было много времени.

В то время (14 февраля 1725 года) из Синода пришел указ, которым блаженному святителю повелевалось выехать из Селенгинска в Иркутск и ждать здесь нового указа. Прибыв в Иркутск, святитель с согласия Тобольского митрополита Антония поселился в Вознесенском монастыре. Здесь святитель прожил почти год, не вступаясь в дела управления, только посвящая ставленников по поручению митрополита Сибирского.

Новые невзгоды ожидали святого мужа на новом его местожительстве. Архимандритом Вознесенского монастыря был Антоний Платковский, человек честолюбивый и очень хитрый. Стремление стать во главе пекинской миссии побуждало его, не разбирая средств, домогаться своей цели. Платковский отличался необузданным нравом и жестокостью. Но за дальностью от Петербурга и покровительством некоторых лиц он, не обращая внимания на жалобы угнетенных, продолжал чинить несправедливости. Узнав о приезде святого Иннокентия в Иркутск, Тобольский митрополит Антоний и губернатор князь Долгоруков просили святителя разобрать их спор с Платковским, но святитель не взял на себя этого, так как считал себя не вправе разбирать проступки архимандрита, не состоящего в его ведении.

В апреле 1726 года в Иркутск прибыл из Петербурга чрезвычайный посланник граф Савва Владиславич Рагузинский. Граф Рагузинский послан был уже по смерти Петра I императрицей Екатериной I для того, чтобы разрешить спорные дела между Россией и Китаем. Относительно святителя Иннокентия дано было графу такое постановление Святейшего Синода: ехать ему с посланниками в Китай, если с китайской стороны не будет к тому препятствия; если же туда его не допустят, то предписывалось ехать с графом архимандриту Антонию. Согласно этому указу святому Иннокентию пришлось сопровождать посланника до границы и поступать вообще по совету с ним. Святитель отправился в Селенгинск. Но и на этот раз Господь не привел ему переехать за границу России. Посланник письменно ходатайствовал перед китайскими властями о пропуске святого Иннокентия в Пекин, но не имел успеха. После свидания с двумя министрами богдыхана на пограничной речке Буре посланник 31 августа 1726 года доносил в Петербург, «что китайские министры, которые на границе его принимали, епископа Иннокентия Кульчицкого туда с ним, графом, в Китай без указа ханского не пропустили, и не чают он, чтобы его китайцы приняли». В то же время Рагузинский сообщал, что, по словам китайских министров, богдыхан никогда не согласится принять в Китай такую превеликую особу, так как «великим господином называется их папа или хутухта». Такое донесение Рагузинского было принято в Петербурге к сведению. Принято было и представление графа, чтобы поехать в Пекин архимандриту Антонию, о котором тот отзывался с похвалою: живя в Иркутске, «учит несколько детей языку монгольскому и бывал в Пекине и человек трезв и не без ума». И вот Святейший Синод повелевает святителю Иннокентию впредь до получения нового указа начальствовать в Иркутском Вознесенском монастыре. Незнание и неопределенность положения томили святителя. Чем более проходило времени, тем все более затруднений и лишений приходилось ему испытывать. Но он терпеливо переносил их, ибо знал, что без воли Божией ни один волос не может упасть с головы человека. Несчастья и лишения – это лучший путь, ведущий к вечному блаженству. Святой Иннокентий переносил их без ропота.

Недолго, однако, святителю пришлось ждать нового назначения: 26 августа 1727 года он получил указ о бытии ему епископом в Иркутске. До сего времени Церковь Иркутская признавалась только викариатством Тобольской митрополии. Теперь она была выделена в особую епископию. На новом поприще ждало святителя не отдохновение, не успокоение от прежних трудов, а еще более забот, еще более невзгод. Достаточно упомянуть, что назначение в Иркутск его предшественники принимали как наказание и очень тяготились этим. Не так думал святитель. Не отдыха он искал в земной жизни, а труда.

2 сентября 1727 года он обратился с первым словом к своей пастве как архипастырь и отец. Вот его послание: «Божиею милостию преосвященный Иннокентий, епископ Иркутский и Нерчинский. Во град Иркутск всем Церкви Святыя и Восточныя сыном послушным, духовным и мирским, благодать Господа нашего Иисуса Христа, любовь Бога и Отца и причастие Святаго Духа да будет со всеми вами. Понеже благословением Божиим ея императорское величество, имея сердце свое благодатное в руке Божией, по докладу Святейшаго правительствующаго Синода, благоволила мя милостивым своим императорским указом определить в Иркутскую епархию настоящим епископом, и титуловати себе по той епархии, якоже и прежде бывало, того ради молю прежде всех творити моления за ея императорское величество о здравии, и всея ея императорской фамилии, Святейшаго правительствующаго Синода, такожде и о нашем смирении, титулуя нас Иркутским и Нерчинским. Прочее молим вас и архипастырски увещеваем, да такожде мудруйте единодушно, друг друга честью больша творяще, мир и любовь между собою имуще, якоже и апостол святой Павел поучает: елика пречестна, елика прелюбезна, елика прехвальна и прочая, сих поучайтесь, сим последуйте, сия держите, тако да и временная благая и вечная удостоитеся наследовати, всеусердно желаем и благословение посылаем. Аминь. Иннокентий епископ».

Много огорчений доставил святому Иннокентию Антоний Платковский. Возгордившись своим назначением в пекинскую миссию, он потребовал у святителя денег более 1000 рублей из суммы Вознесенского монастыря, не имея на то никакого права. Святитель отвечал, что выслать требуемой суммы он не может, так как таких денег в монастырской казне нет. В то же время открылось, что сам Платковский, в бытность свою в Иркутске архимандритом Вознесенского монастыря, растратил большие деньги. Надменный архимандрит грозил даже, что он будет жаловаться в Синод. Но дело кончилось тем, что он принужден был смириться и выплатить растроченные им деньги.

Такие несправедливые притязания Платковского сильно утруждали святителя, который в то же время ревностно занимался делами по своей епархии. Вступая на архипастырский престол в Иркутске, святой Иннокентий был преисполнен усердия послужить на пользу своей паствы, посвятить все силы своим пасомым. Он ясно провидел, что много трудов ему предстоит на новом служении. Духовенство в новой епархии было в самом жалком положении. Большинство из лиц духовных не получило почти никакого образования. Невежественные пастыри немногим отличались от пасомых и не могли быть духовными руководителями их – наставлять назидательным словом и привлекать добрым примером. Дети духовных учились тогда по большей части у своих отцов, а те, сами получив скудное образование, немногому могли научить своих детей. Недостаточное приготовление к священному сану необходимо влекло за собою разные беспорядки и нестроения. Многие священники с трудом читали и, стыдясь своего безграмотства, подпись за них других лиц объясняли своим слабым зрением, что «де он, поп, очима скорбен». Новых служителей Церкви взять было неоткуда, ибо в священники возводились из низших степеней; из дьячка ставили диаконом, а диакон возводился в сан иерея.

Святитель Иннокентий не замедлил принять все доступные ему средства для искоренения таких нестроений. Он потребовал, чтобы все священники в воскресные дни читали книжки, разсланные Святейшим Синодом, под названием «Заповеди с толкованием», также поучения святых отцов Церкви. В случае неисполнения своих обязанностей святитель грозил нерадивым пастырям судом Божиим, на котором они

должны будут дать ответ не только за себя, но и за своих детей духовных. Вообще, понимая важное значение духовенства, святой Иннокентий старался возвысить его положение, что видно из одной речи его, обращенной к пастырям. В этой речи святитель старался объяснить важность и ответственность иерейского служения. Он говорил, что священники – строители таин Божиих, свет для тьмы, соль земли, звезды неба, пастыри, которые обязаны отгонять волков от своего словесного стада. Священники, говорил ревностный архипастырь, должны усердно устроить дом Божий, украшать его всяким благодеянием, особенно усердно проповедовать слово Божие, непрерывно поучая своих духовных чад.

Но одними предписаниями нельзя было всего исправить. Нужно было добрым учением и воспитанием приготовить будущих пастырей Церкви. Посему святитель много заботился об училище. До него была одна монгольская школа, заведенная во время Платковского при Вознесенском монастыре. Но при Платковском школа эта была в самом плохом состоянии. В начале 1728 года святитель устроил при монгольской школе и русскую. С того времени школа получила название русско-монгольской. Из русского отделения этой школы должны были выходить будущие пастыри. Святитель много заботился о ней; он привел в порядок ее помещение, вызвал сам учителей. В школу принимались дети не только из духовенства, но также из всех сословий. Духовенству святитель приказал немедленно доставлять в школу своих детей в возрасте от 7 до 15 лет. Не исполнившие этого распоряжения должны были уплачивать 15 рублей штрафа и, кроме того, детей высылали через начальство на счет непослушных. В 1730 году, по прошествии двух лет после открытия школы, в ней было уже около 36 человек учащихся. Святитель увеличил жалование учителям; он также ревностно заботился и о доставлении необходимых книг. В 1729 году для монгольского отделения выписал несколько книг у лам, живших за озером Байкал. Переписчики переписали эти книги, подлинники были возвращены их владельцам, а новые книги были переданы в школу для пользования ими. Для надзора над учениками святитель выбрал иеромонаха Лаврентия. Содержание школы стоило ему немалых забот и огорчений. Средства были крайне скудны. Главным образом святитель содержал эту школу на доходы Вознесенского монастыря и на свои собственные, хотя последние были очень незначительны.

Дело в том, что при определении святого Иннокентия на Иркутскую кафедру не было почему-то сделано распоряжение о жаловании ему. Также и пределы его епархии не обозначены были точно. Тобольский митрополит Антоний удерживал за собою некоторые округа, которые должны были бы перейти к святому Иннокентию, так как ранее были в ведении Иркутского викарного епископа. Святитель ходатайствовал перед Синодом в 1728 г. о своем жаловании и просил точнее обозначить границы новой епархии. Святейший Синод 29 августа постановил о выдаче жалования святителю и определил построить архиерейский дом для него; тогда же он нашел необходимым включить в состав новой епархии не только Селенгинский округ, но также еще округа Якутский и Илимский. Для окончательного решения это постановление Синода было послано в сенат, но долго еще пришлось ждать сенатского распоряжения.

В то время в Сибири был такой обычай: прихожане сами из своей среды выбирали лиц, которых считали достойными священства, и посылали их для поставления к епископу. И святой Иннокентий уважал этот обычай, причем нисколько не поступался своим правом следить за тем, чтобы избранные пастыри были достойны своего звания, и поставлял только таковых. Если по справке в архиерейском приказе действительно выбранное лицо не имело никаких препятствий к принятию священного сана, то святитель полагал резолюцию «для научения в школе». Избираемый посылался в монгольско-русскую школу и здесь учился не менее двух месяцев. В это время он был обязан списать для себя правила из Духовного Регламента, относящиеся к священническому служению, затем заучить их наизусть. В то же время он знакомился с предстоящим ему новым служением. При выпуске из школы вышеупомянутый иеромонах Лаврентий испытывал его. Если по испытании выбранный признавался достойным, то получал ставленную грамоту от святителя и, научившись

отправлять церковное богослужение, уезжал на место своего служения. Так заботился святитель о избрании достойных пастырей. Если же кто из избранных прихожанами лиц оказывался недостойным великого сана, то святитель отвергал такого.

При обширности Сибири и при затруднительности проездов святителю Иннокентию нередко приходилось рукополагать священников не только для своей Иркутской епархии, но и для сопредельной Тобольской. Многим ставленникам гораздо ближе было ехать для посвящения в Иркутск, чем в Тобольск. Но святитель Иннокентий делал это по просьбе и уговору с Тобольским митрополитом Антонием.

Много заботился св. Иннокентий о благолепии службы Божией. До него часто в воскресные и праздничные дни не бывало богослужения или бывало оно в неудобное время; жители Иркутска жаловались на это святителю, и он ревностно искоренял эти беспорядки. Святитель распорядился, чтобы священники в городе Иркутске не совершали литургии слишком рано. Он приказал в праздники благовестить к литургии в 9 часов утра, а в простые дни – в 7 с половиной.

Святой Иннокентий распорядился и о том, чтобы священники его епархии не исполняли треб в чужих приходах, исключая крайней необходимости. Только на исповедь было дозволено принимать каждого приходящего даже из других приходов. Причащаться же всякий был обязан в своем приходском храме, причем если он был у исповеди в другом приходе, то от духовного отца давалась ему отпускная грамота, удостоверяющая в том, что он был на исповеди и достоин принятия Святых Христовых Таин.

Святитель обратил особенное внимание на большое число уклонявшихся от исповеди. В одном Иркутске в 1722 г. число не бывших у исповеди доходило до 420 человек. Святитель не мог без внимания оставить этого. Виновным было сделано внушение, чтобы они строго исполняли постановления Церкви.

Вообще святой первопрестольник Иркутский был ревностным пастырем подчиненной епархии, опытным строителем церковной жизни в глухом краю необъятной Сибири. С этой стороны особенно замечательна инструкция святителя, данная священнику Даниилу Иванову, «закащику», по-нашему – благочинному.

«Выдать тебе заказ (благочиние) Заморский (Забайкальский) во всем Селенгинском округе, а в действии поступать по сим пунктам:

1. Объехать тебе церкви в твоём заказе и смотреть всего благочиния церковного и над священниками, и над всем причтом, а именно: не бесчинствовали бы, не шумели бы по улицам или в церкви пьяни; не пьют ли вино по кабакам и прочая по прибавлению Регламенту о священниках.

2. Указы его величества рассылать, а для рассылки оных посылать поочередно в твоём заказе дьячков и пономарей, аще куда скорых и хороших попутчиков не прилучится, а подводы дьячкам и пономарям брать от церкви до церкви.

3. Тебе, священнику, давать вечные памяти ко всем церквам своего заказа, по Правилам святых апостол и святых отец и по указам Его Величества; и аще где далеко, то иным приказывать; собирать пошлину по прежнему обыкновению без излишества; также давать дьячкам и пономарям указы по указу Преосвященного со взятием пошлин; в прошениях о местах прописано бы было, руга ли (то есть жалованье ли) ему или из доходов питаться будет, и что он добрый и не подозрительный человек.

4. Тебе же повсегодно собирать со всех церквей твоего заказа данные по табели окладные деньги без излишества. Аще где возобновятся по указу часовни, данные окладные собирать же и отдавать.

5. Аще кто на священника или на причетника подает тебе доношение, тебе смотреть; аще в каком важном деле есть, отсылать в Иркутский архиерейский приказ к решению, аще же о маловажных делах, таковыя самому по правилам и регламенту решать, без всякой понаровки (то есть без всякого попустительства).

6. О своем решении дела доносить в приказ.

7. Доставлять от всех церквей метрические тетради и исповедные записи.

8. Надзирать за тем, чтобы не было беспаспортных духовных лиц в округе и, если окажутся, доставлять к преосвященному.

9. Надзирать за тем, нет ли раскольников и, если окажутся, доносить.

10. Не поступать сверх права, предоставленного инструкцией, и дела должности исполнять усердно и по совести.

11. На бумагу, чернила брать со всех церквей по пропорции, сколько изойдет; также и писчику определить с каждой церкви по рублю, а больше не определять.

12. Подводы разложить на священников с причетники и собрать с них деньги в одну сумму, по рассмотрении прихода, с кого надлежать больше, с кого меньше, чтоб в том никому не было обиды; когда придут какие указы, то наимовать из той суммы собранной без излишества и рассылать, куда надлежит».

Вообще недолголетнее пребывание святителя Иннокентия на Иркутской кафедре было ознаменовано непрерывными заботами его о благе вверенной ему паствы и неусыпными трудами. Сам он всем подавал пример строгой благочестивой жизни и требовал, чтобы и духовенство служило примером для своей паствы. Но трудно было бороться святителю с некоторыми пороками, которыми страдало сибирское духовенство. Особенно сильно был развит среди него порок пьянства. Часто священники «бывали сильны и храбры к питью» в домах прихожан. Такие пастыри и в храме Божиим позволяли себе непристойные поступки. «В церквах, – говорят документы того времени, – такие священники иногда бранятся, иногда и дерутся; друзии же злонравнии священницы в церкви и алтаре сквернословят, бранятся и творят дом Божий вертепом разбойников; многие священники чревоугодию своему следовали, пьяные бродили по улицам, валялись в кабаках; по улицам бродя, бесчиние шумели, ложились спать на дороге, кощунствовали, дрались».

На это уже было давно обращено внимание духовной власти. Еще в 1702 г. в Тобольске был собран Собор по поводу таких бесчинств. Здесь были изданы правила против пьянства священников и прочего притча. Одно из них подвергает строгой ответственности виновных: «Священник, аще в безмерном явится пьянстве, или диакон, или дьячек и пономарь, пене архиерейской подлежит, яко соблазн миру, по третьем же наказании чужд да будет священства».

Святой Иннокентий всякими мерами старался искоренить пьянство; виновных он подвергал суду.

Раз до святителя дошли слухи, что сторож одной церкви с церковным ключом был в питейном доме и там в нетрезвом виде вступил в драку с другими. Святитель потребовал к себе виновного, усоветивал его. Когда же тот сознался во всем, святитель повелел его держать взаперти в монастырской хлебопекарне с тем, чтобы он сеял муку, а затем отпустить, взяв с него расписку – впредь церковного ключа не носить с собой в корчемницу и жить трезво.

Не только наказанием, но чаще всего увещанием и своим мудрым словом старался святитель исправлять подчиненных. С 1729 года военная церковь Якутского полка поступила в ведение Иркутского архипастыря. Святителю донесли, что полковой священник иеромонах Феофан Капарский ведет сильно нетрезвую жизнь и не исполняет своих обязанностей. Даже дни Страстной седмицы не останавливали его. Святитель обратился к нему с трогательным, чисто отеческим вразумлением: «Честный отец Феофан! Не заслужил ты такого нашего вразумления, а скорее достоин бесчестия. Однако мы пишем к тебе. Как ты не стыдишься, что призван от Господа Бога о всем мире святую жертву приносить и пасти стадо словесных овец Его, о нихже истязан будешь и дашь ответ в день страшного испытания, а сам ты того звания не содержишь, но беспрестанно пьешь и безгодно упиваешься допьяна, а дела своего не исправляешь, чинишь многие бездельные непотребства. Дело ли это священника? Ныне тебе это пишем, увещевая тебя отчески, чтобы ты исправился. Если же ты не оставишь своих пороков, то знай, что с бесчестием ты из полку переменен будешь, позван к нам на суд и примешь достойное по делам твоим. Но прошу, исправься».

Всеми силами старался святитель искоренить этот недуг духовных пастырей народа. Для сего-то он и требовал, чтобы прихожане были осмотрительны в своем избрании будущих священников, избирали достойных, а не таких, которые «надзирают корчемницы». «Сего ради, – говорил святитель в одном из своих поучений к пастырям, – достоин им познать свою честь и хранить ее, яко зеницу ока, да свет не обратится в тьму и слава – в бесчестие».

Святитель заботливо следил, чтобы не было никаких распрей и раздоров среди духовенства. А при тогдашнем состоянии Сибирской Церкви такие случаи действительно иногда происходили, как это видно из следующего.

Дворянский сын Никита Варлаамов с царского разрешения построил в 1709 году монастырь в Нерчинске на свое иждивение. Согласно с царской грамотой Никита был возведен в сан игумена и наречен Панкратием. В этой грамоте было сказано, чтобы «игуменам не ведать крестьян, ведать им токмо церковь Божию». Заведование монастырскими имуществами после Панкратия должно было перейти к одному из мирян. Это и вызвало среди братии недовольство и малое уважение к вновь выбранному игумену после Панкратия – иеромонаху Нафанаилу. Некоторые из братии позволяли себе бранить нового игумена; ссоры и брань, своеволие и непослушание в обители были непрестанные. Нафанаилу пришлось лично просить святого Иннокентия, чтобы он своей святительской властью положил предел таким беспорядкам. Святитель не остался глух к просьбам Нафанаила и послал в Нерчинский монастырь такое послание: «Указ нашего архиерейства Нерчинского Успенского монастыря монахам, вкладчикам и крестьянам. Известно нашему архиерейству от достоверных персон учинилось, а наипаче от того монастыря игумена Нафанаила, который в прошлом годе по просьбе нашей, а по благодати Всесвятаго Духа, через мерность нашу произведен к вам в игумена, что от монахов и бельцов наносятся ему укорительные, бездельные слова; такожде во многих случаях и монастырских трудах, которые бывают для общей монастырской пользы, чинится непослушание. Того ради мы вас отечески увещеваем и повелеваем, дабы вы игумену Нафанаилу, яко отцу своему и начальнику, во всем повиновались и без его повелений ничесоже действовали и между собою, яко зверие, не ссорилися, под неблагословением Божиим и нашим. Аще противно будете чинить, и аще от него на вас впредь будет в чем прошение, то таковой к ответу по указам Ея Императорского Величества взят будет в Иркутск. Прочее же Бог мира и любви да пребывает с вами и наше недостойное благословение».

Не менее святитель заботился и о простых мирянах. Побуждая священников поучать своих чад духовных, сам святитель часто и неоднократно обращался к своей пастве со словом поучения. В своих проповедях он грозно вооружался против пороков и кротко увещевал своих слушателей исполнять заповеди Божии, и призыв святителя не остался без ответа. Его мудрое и отеческое слово глубоко западало в сердца слушателей. Множество народа стекалось, чтобы послушать его поучения. Многих слово святителя исправляло и поддерживало на жизненном пути, среди бед и невзгод. Более 200 лет хранилось предание о красноречивых сердечных поучениях блаженного Иннокентия. Многие списывали эти поучения.

Остановимся на некоторых мыслях святителя, которые он проводил в своих поучениях к пастве; посмотрим, куда он вел свое словесное стадо. Мы отсюда увидим, как просто, наглядно и жизненно поучал он верующих.

Мир сей скоропреходящ; человек на земле – временный гость; конец для всех – смерть. «Како слепцы, тако и мы душевными очима ослепленнии прелестию мира сего, не видим истиннаго пути, како прийти к истинному Солнцу – Свету Христу, понеже бо мир сей прельщает, много нам живота обещает; обещает нам злато, но отымет от нас небесное благо; ничтоже бо злато, разве благо, понеже бо и в мире сем на земли есть. Обретаются черви в травах, иже в нощи видятся светлы, яко адаманты (то есть алмазы), аще же рукою прикоснешися, ничтоже ино, точно прах. Так и человек всяк: аще повыситя за высоту рода,

за красоту лица, за крепость силы, за множество богатства, но узрит себе прах и землю и червя, по словеси Давидову: Аз есмь червь, а не человек (Пс.21:7), еще же и древа существо прменяется тлением: гнилое дерево, а видится в темном месте светло быша: аще рассмотриши и узриши точию тление и землю... Таковым образом и миряне, прилежащие земным вещем: аще приложит человек мысль на пищи и питии, что ему воздаст чрево, точию мотылие и прах; аще же приложит человек тщание на купли и в торге мира сего, что себе приобрящет купец? Ничтоже, точию суету; а от сокровища и богатства своего ничтоже возьмем, точию срачицу и саван. И аще человек оженится и дети приживет, сына оженит и дщери замуж выдаст и проживет сто лет и больше, потом что? Смерть; а по смерти приобрящет тление...»

«О премудрый Соломоне, ты глаголеши: несть ничтоже вечно пребывающее, и человек, живуще в мире сем суетном, льстится нажитками сего света, говорит тако: “добро нам zde быти”. Не знают, что творят. Кое добро есть в мире сем непостоянном? В мире бо сем вся изменна; ибо кто ныне живет, тот утре во гробе гниет; ныне здрав есть, яко Моисей, а по утру в великом недуже, яко Иов; ныне в чести и славе, а по утру в темнице и заключении; днесь о богатствах печется, яже не может сочести, яко же богач оный евангельский, а во утрий день единыя крупичи алчет, яко Лазарь, и не обретае; днесь на свободе, а утре в неволе; сегодня в радости, а утре в печали; днесь господствует и повелевает, утре издыхает и умирает».

Не должно привязываться к богатству, ибо оно ведет к погибели. «Понеже вы богатства свои держите на непотребные вещи – на объедение и пьянство и на нечистый блуд, того ради богатства ваши до неба вас не допускают. А те же богатства ваши и от муки вас освобождают, аще начнете милостыню творити».

Трогательно увещивает святитель творить милостыню. «Вам должно быти милосердным к прошению нищих, егда к вам вопиют: “Христа ради милостыню нищим”; и вы будьте милостивы на прошение их. Не просят бо у вас коего великого дара; но только просят единыя копейки или малаго куска хлеба, Бога ради. Будьте милостивы; за ту бо милость сами от Бога помиловани будете... Аще убогим будем давати милостыню, отдаст вам Бог оную на том свете, и кто больше дает, тому и Бог больше отдает, а кто меньше дает, меньше тому подает. Милостыня – это приобретение для вечности: ею получает верующий Царство Небесное. Молюся вам, любимицы мои, еже бы нам получитьи Царство Небесное. Чим же получитьи? 1) Даяти ясти алчущим, 2) даяти пити жаждущим, 3) приимати странныя, 4) одевати нагия, 5) посещати немощныя, 6) в темницу ходити, 7) споследовати, во еже погребати мертвыя. Сими добродетельми получим Царство Небесное».

Совершение этих добродетелей святитель советовал приурочивать особенно к великим праздникам. «Любимцы! не будьте неверны словом и житием, словом исповедуйте, яко воистину воскресе Господь, и житием будьте верни в творении добрых дел, подаванием милостыни и хранением любви. И аще кто сотворит любовь, той нищия да одевает, а не суетне плоть свою украшает, якоже мы ныне творим, красимся ризами; что какова праздника ждем, Воскресения Господня, или иного коего праздника, то мы готовим себе кафтаны хорошия, рукавицы уборныя, шапки изрядныя, сапоги красныя; а лучше бы нам готовиться к праздникам с добрыми делами».

В одном из своих поучений святитель ясно и просто излагал правила благочестивой жизни.

«Послушайте, возлюбленнии, – говорит святитель, – се Христос Господь и Мария, Мати Его, свята сущи, изволиста со грешники вчинитися (потому что Пресвятая Дева исполнила закон, относящийся грешным новорожденным младенцам, и принесла в жертву два птенца голубина). Также и нам, братие, учитися, еже очищати души наши святым покаянием и ходити на молитву в дом Божий и приносить потребная. Приносите ов свещи, а ин просфоры, а кто сего не имеет, тот приходи в церковь на молитву с сокрушенною жертвою сердца, со слезами покаяния. Прежде всего бойся Бога, люби Его всею душею и сердцем и помышлением, а Пречистую Богоматерь и всех святых почитайте, а в церковь Божию

безленостно приходите к вечерне, и заутрене, и обедне к началу, и слушайте Божественнаго пения со вниманием в молчании; а из церкви до отпуска не выходите. Аще далече от церкви, или не досужно та будет, то ты можешь дома правило свое исправить, пение и поклоны по силе, а не ленися, да не бесплоден будешь, аки дерево сухое. И аще сотвориши правило безлености, то великую мзду от Бога получиши и грехов отпущение. Праздники празднуйте духовно, а не телесно, нищих милуйте, а в церкви свещи и просфоры в отшить по силе давайте; рабам же своим в праздники от работы покой дайте; праздники празднуйте не объядением и пьянством, но молитвою и чистотою. Кротко живите и во Христе любовь нелицемерну имейте ко всякому христианину... Почитайте священников, яко Божии слуги, и всем церковникам честь воздавайте, и неприятеля своя любите, и Бога за них моли, и любите всех православных христиан яко сам себе, другу не завиди, никого не обиди, сребра в росты не давай, чти отца и мать, больныя посещай, нужным помогай, в темницах и оковах потребная донеси, нищих по силе накорми, напой и одень, вся бо та в руке Божии влагаеши, вдовиц не презри, наипаче всего от блуда бегай и с женами живите по закону. В среду и пяток и воскресенье в чистоте будьте. Праздники Господские и Пречистыя Богородицы и всех святых почитай честно, а дети своя и челядь учи страху Божию, храни от пьянства; татьбы и всякаго зла удаляйся, а в церкви Божией детем своим вели ходити ко службе во вся дня, а наипаче в праздники... Аще случится согрешити, по наущению диаволу, то вскоре исповеждь отцу духовному, да не вкоренится диавол в душе твоей, и смерть да не застанет тя без покаяния. А наипаче всего буди смирен, не высокоумен, не празднослови, скверных бесед бегай, друга не укори, не досади... в церкви Божией стой на молитве со страхом, ни говоря ни с кем и не помышляй что зло в сердце своем, но точно глаголи: Господи, помилуй мя».

Святитель указывает своим слушателям примеры, следуя которым они могут спастись.

«Да вспоминаем жития святых, яже чем на всякий день, како они угодиша Богу – смехом ли безобразным или празднословием угодили Богу? Никако, но добрыми делами. Тако и нас учат молчанию и терпению и останутся от злых дел. И святые отцы, мужие и жены, не с небес же снидоша, но такожде на земли родишася и имяху тело от земли, якоже и мы.

Имели и они искушение от демонов; но диавола побеждаху. Они бо не много ядоху, яко же мы; вином не упивахуся, яко же мы творим окаяннии... Что же творили? Они бо работали Богу всем сердцем, терпели мучения, искушения за Христово имя».

Над всеми святыми безмерно возвышается Мать Божия, высшая небес и чистшая светлостей солнечных, Заступница грешнаго мира. Святитель Иннокентий говорит о Владычице мира: «Есть же она Мати не токмо Сыну и Богу, но и всем нам православным. Мати Сыну Своему по естеству человечества, Мати нам же по милосердию и по ходатайству и по заступлению. Якоже бо мати родная всегда милосердная есть к чадам своим естественным: питает я, греет и одевает, подымлет; аще дети и досадят, она все прощает и вся немощи их любезно терпит. Тако и Дева Мария питает нас брашном милосердия Своего, поит млеком щедрот, греет ны ризою покровы Своего, одевает нагость нашу одеянием брачным; падающия в ров грехов, подымля рукою пособия Своего, утверждает жезлом утверждения Своего. А егда мы по согрешении каемся, Она скоро прощает и Бога ко прощению молитвами Своими преклоняет. Терпит же вся немощи наша, яко знающая поползновение наше. Тем же к Ней, яко милосердной Матери, с дерзновением и надеждою вси притекайте и теплыми молитвами со усердными слезами молящися Ей».

Святой Иннокентий звал своих пасомых на высоту христианского совершенства, но жизнь их была очень невысока. Особенно часты были в Сибири случаи нарушения целомудрия и супружеской верности. В своих поучениях святитель предостерегал пасомых от этих пороков. Так, изъясняя притчу о блудном сыне, святитель говорить: «А той злой обычай и ныне есть в мире. Егда человек придет в возраст, то сперва приишет друга себе такого, каков сам; сначала подружатся, а потом начнут чинить советы и все друг к другу плотским люблением располагаются, а не духовным, и в той любви научатся пьянству, а

иные скакать, плясать, а затем гордиться, лихоимствовать и блуд творити. О, любители блуда и нечистоты! О, несытая мерзость! Понеже бо всякая нечистота не точию сердце помрачает, но и видение лица погубляет. Слыши, что апостол глаголет: Бегайте блудодеяния: всяк бо грех, егоже аще сотворит человек, кроме тела есть, а блудяй во свое тело согрешает (1Кор.6:18). А ныне едва не все от Бога отступили, ови гордостью и лихоимством, ови завистию и злым пьянством. Сии все диаволу служения и все уклонишася вкупе и неключими быша. Все уклонишася от смирения в гордость, от милостыни – в лихоимство, от любви – в ненависть, от воздержания – в объядение, от трезвости – к пьянству. Что мерзостнее пьяного человека? Хочет утаиться, яко не пьян, а лежит яко мертв. Ничтоже сквернее пьяницы; из уст бо его смрад зол исходит, расслабление тела и самого себя невладение, из очей слезам истечение, рукам дрожание. Пьяный много обещает, таин не соблюдает, разум и красоту погубляет, и что ино от пьянства бывает, точию брани и прекословия, еще же безстыдство и в словах неудержание».

Своими распоряжениями святитель старался положить предел беспорядочной плотской жизни некоторых из его паствы. От священников он требовал, чтобы браки были заключаемы по установленным законам. Не исполнявшие этого подвергались денежным взысканиям, но искренно кающиеся получали прощение. Таков был святитель – со строгостью он соединял кротость и незлобие. Иркутский кафедральный протоиерей Петр Григорьев, уличенный в том, что он содействовал венчанию незаконного брака, был лишен протоиерейства и низведен на год в ряд простых священников. Но после искреннего раскаяния святитель простил его и возвел в прежнее достоинство. Много можно указать примеров такой кротости святителя.

В Сибири было тогда весьма мало церквей. В новой епархии всего насчитывалось 33 церкви и 4 монастыря. Множество сел было удалено от церквей на огромное расстояние. Поэтому большая часть верующих не могла исполнять в точности всех церковных обрядов. Было много таких, которые долгое время не принимали Крещения; браки заключались без благословения Церкви. Будучи сам строгим ревнителем благочестия, святитель ревностно и неутомимо заботился об умножении благочестия между пастырями и пасомыми, между мирянами и монашествующими. Не имея средств, он не имел возможности строить новые церкви, но разрешал строить часовни. Вследствие того, что антиминов новых, по неизвестной причине, не присылали в Тобольскую епархию, святитель взял даже лишний антиминос из Свято-Троицкого Селенгинского монастыря. В Иркутске он освятил две церкви в 1729 году.

В одной проповеди на освящение церкви святитель говорит: «Но ныне аще кто пожелает святую церковь построить, то не стены едины созидайте, но и внутрь украшайте ризами, сосудами, а наипаче всех сих – людьми благоразумными, священниками богобоязненными».

Вследствие отдаленности храмов Божиих в Сибири было много людей, которые до 30 лет и более не ходили в храм и не соблюдали постановлений Церкви. Святитель и сам говорил, и духовным пастырям поручал говорить в церквах о необходимости по мере сил ходить в храм Божий, о соблюдении поста, о Причащении, изъяснял значение семи Таинств, красноречиво изображал кончину мира, говорил о воскресении мертвых, о страшном суде Божиим, о будущем блаженстве праведных и лютых муках грешников, и этим побуждал всех к покаянию.

В поучении на Введение во храм Пресвятой Богородицы святитель говорит: «Она, Пречистая, от рождения трех лет, сущи безгрешна и чиста, всегда в церкви пребывала, а мы грешнии, нечистии, не только от трех лет рождения, но и до тридцати лет живем и в церковь не входим, и грехи всегда сотворим, и не раскаиваемся».

Настаивая на том, чтобы все исполняли постановления Церкви, святитель требовал, чтобы внезапно умиравшие от какой бы то ни было причины не иначе были удостоиваемы погребения при церквах, как по строгом дознании, были ли они в течение года, предшествовавшего их внезапной кончине, у исповеди и Святого Причастия. Если

оказывалось противное, то они, как не заслужившие почета Церкви, были зарываемы за городом. Это же правило прилагалось и к тем, кто умирал без должного напутствия. Святитель понимал, что без мер строгости нельзя было получить желанных плодов.

Сильно любя благочестие и благолепие, святой Иннокентий противодействовал всяким беспорядкам и нестроениям в Церкви. Узнав о разных неурядицах в Забайкальской области в 1728 г., святитель послал игумена Пахомия осмотреть церкви и в случае нужды производить дознание и следствие. В следующем, 1729, году сам святитель обозревал зимой свою епархию по левому берегу реки Ангары. Как необходимы были такие заботы о своей пастве, видно из следующего.

Святителю донесли, что у некоего Иоанна Шункова проживает лама. Последний задумал построить кумирню, и Шунков оказывал ламе содействие при этой постройке. Призванный к допросу, Шунков открыто признался, что он помогал в постройке кумирни. Лама говорил ему, что он будет молиться своему богу, и у него будут держаться дети. Тогда было решено: в присутствии народа наказать суевера Шункова в предостережение других.

По указу 1723 года часовни были закрыты, но потом дозволено было возобновлять их, впрочем, только с разрешения архиерея. Священник Григорий Смагин, не испрашивая благословения у святого Иннокентия, самовольно дозволил возобновить в 1729 г. часовню за рекой Ангарой и нанял к ней дьячка-каторжника. Тот же священник открыл самовольно еще другую часовню при деревне Евсеевой. Святитель повелел подвергнуть этого священника наказанию, взыскать с него пять рублей штрафа, а часовни упразднить.

Святитель любил истинное подвижничество и ценил людей, подвизавшихся во славу Божию. Особенным вниманием святителя пользовались благочестивый настоятель Свято-Троицкого Селенгинского монастыря архимандрит Мисаил, настоятель Нерчинского монастыря игумен Нафанаил и духовник святителя иеромонах Корнилий.

В то время в Сибири не раз происходили недороды хлеба. Святитель всегда сам молился перед Господом о изобилии плодов земных и того же требовал от пастырей. Во времена же грядущего бедствия он возносил сугубые моления об отвращении праведного суда Божия. «В граде Иркутске, – писал святитель в одном из своих писем в 1728 году, – умножились между людьми блудные дела, за что грядет гнев Божий на сыны противления». И действительно, во всей Иркутской епархии в том году стояла засуха. Святитель повелел по всем церквам возносить моления Господу о ниспослании дождя. Молитвы святого архипастыря были услышаны: в конце июля прошел сильный дождь, и грозная опасность голода исчезла. На следующий год, наоборот, лето было необыкновенно дождливо, и святитель опять предписал молиться. В следующих, 1730 и 1731 гг., владыка опять делает то же распоряжение.

«По желанию нашему, – говорит сей истинный пастырь Христовой Церкви, – к общему всех православных христиан благу повелевается соборно со всеми градскими священниками в соборе совершить ко всех благих Подателю Всещедрому Богу молебное по последованию Требника о дожде пение, по Божественной литургии, да и впредь по вся дни нынешние весенние, как в соборе, так и во всех градских церквах чередным священникам на всяк день».

Так в течение немногих лет своего святительства блаженный Иннокентий не переставал молить Господа о благополучии вверенной ему паствы.

Много невзгод и обид приходилось переносить святителю. Он желал уничтожить право откупа, по крайней мере, в монастырских владениях, потому что не мог видеть, как откупщики опаивали народ, особенно новообращенных инородцев. Его желание не противоречило закону, но против этого восстали откупщики. Они настаивали на том, чтобы им было разрешено продавать вино не только в монастырских селах, но даже и вблизи монастырей. Для разрешения дела об откупах надо было ехать в столицу, потому что в Сибири почти невозможно было добиться справедливого решения. Но сделать этого он не имел ни времени, ни средств.

Святитель в течение недолгого времени своего пребывания на Иркутской кафедре, которую он занимал 4 года и 3 месяца, положил твердое начало успехам веры Христовой в Иркутском крае. Он был истинным пастырем своего стада, ревностным учителем добра и правды, насадителем Христовой веры среди монголов и бурят, искоренителем суеверий и ложных учений, распространителем просвещения в дикой Сибирской стране.

Многотрудна и нерадостна была вся жизнь святителя Иннокентия. Но всего более невзгод и лишений претерпел он в Сибири. Здесь он шествовал поистине тесным и скорбным путем. Имея великое смирение, блаженный видел на себе особое усмотрение Божие: посему не роптал, не просил перемещения на другую кафедру. Святитель любил уединяться для молитвы в пещеру, которую ископал для себя первый основатель Вознесенской обители Герасим; любил возносить свои моления святой пастырь и над могилой Герасима. Каждую ночь святитель читал творения святых отцов или составлял поучения для своей паствы. Часто по ночам, выходя из своей келлии, он направлялся к главному храму Вознесенской обители и молился на него со всех четырех сторон. Заповедуя инокам соблюдать монашеское правило, святитель сам строго выполнял его.

Святой Иннокентий иногда удалялся в монастырское село Малую Бланку, отстоявшее верстах в пятнадцати от Иркутска. Отдыхая от трудов управления, святитель и здесь не оставался праздным: он принимал участие в полевых работах. В своей домашней жизни святитель был прост. Одежда его состояла из власяницы, поверх которой он надевал сделанный из кожи лося подрясник и кожаный пояс. Насколько святитель был незлобив, лучше всего видно из следующего. Вышеупомянутый архимандрит Антоний Платковский, причинивший много зла блаженному, был поражен благочестием и добротой святого Иннокентия. Он был обвинен в растратах монастырских денег. Ему не на что было отправляться в Пекин. Но незлобивый святитель дал ему средства для этой поездки.

Близким к святителю человеком был учитель монгольской школы Лапсан. Святитель неоднократно беседовал с ним. Сии беседы, а равно и подвиги Иннокентия, очевидцем коих был Лапсан, произвели на него сильное впечатление. По кончине святого епископа он перешел в христианство вместе со всем своим домом.

Непрерывные труды надломили и без того слабое здоровье святителя. Уроженец Черниговской губернии, он с трудом мог привыкнуть к суровой природе Сибири. Огорчения, тяжкие обиды, дальние разъезды, строгая подвижническая жизнь – все это расстраивало его здоровье. Сначала у него открылись сильные головные боли, затем к этому присоединились другие болезни и немощи.

В сентябре и октябре месяцах 1731 года святитель уже лежал больным и не мог совершать богослужения. В последний раз он служил 3 октября в воскресенье.

Во время болезни святой Иннокентий благодарил всех служивших ему; в случае выздоровления обещал всех вознаградить из своих рук. Особенно он заботился о построении каменного храма в Вознесенской обители вместо прежнего деревянного, крайне обветшавшего. Святитель неоднократно выражал тогда сожаление, что ему замедлили выдачей жалованья, из которого первая тысяча рублей давно была уже обещана им на построение этого храма. В случае своей смерти он заповедал братии построить храм на монастырские средства, о сбережении и умножении которых он так много заботился. Между тем болезнь все усиливалась. 24 ноября святитель всех удовлетворил жалованием, а остальные деньги велел сосчитать и положить в мешки за печатью; заместнику Паисию за его услуги подарил свою шубу. 25 ноября он просил братию и духовенство города помолиться о нем. Церковь Иркутская стала горячо молиться о выздоровлении своего архипастыря, но Господь судил иначе. Утром в субботу, 27 ноября 1731 года, святитель мирно отошел к Господу, имея всего около 50 лет от рода, но истощенный заботами и скорбями своей многотрудной жизни.

Паства оплакала кончину своего отца и учителя. С подобающим торжеством честное тело его было погребено в Тихвинской церкви Вознесенского монастыря.

Много чудес проистекло от святых мощей славного угодника Божия. Упомянем только о некоторых.

В 1770 году проживавшая в Иркутске Пелагея Судейкина сильно заболела горячкой. Во время болезни ей было видение: больной представилось, будто она стоит в Тихвинской церкви, и святитель совершает утреню. Она просила благословения. Святитель вышел из алтаря, благословил, потом послал ей с светлым юношей частицу артоса; она вкусила и почувствовала себя здоровой. Желая возблагодарить своего целителя, Пелагея спросила, какую читать ему молитву? Святитель вторично вышел к ней, развернул перед ней свиток, в котором было написано: «Милостивый мой наставниче, благоутробия сокровище, правоверия учителю, архиереев похвало, беспомощных заступниче, отче наш, иерарше, моли Бога о нас!»

Пробудившись, Пелагея почувствовала себя совершенно здоровой и тотчас же встала.

Якутский купец Павел Лебедев переломил себе ногу. Его болезнь так усилилась, что он стал готовиться к смерти. В ночь на 3 января 1785 года в комнату, где лежал больной, вошел святитель с жезлом в руке и сказал: «Проси помощи у Иннокентия, что в Иркутске».

Лебедев проснулся, но потом опять погрузился в дремоту, не придавая особенного значения видению. Святитель опять явился и, укоряя болящего в неверии, ударил жезлом в пол. Лебедев, пробудившись, увидел на полу след удара. Он начал верить. Перед утром святитель в третий раз явился болящему, и ужасная боль сменяется легким зудом. Утром Лебедев уже мог ходить без костыля и поспешно направился к гробу своего целителя.

В 1786 году протоиерей Иаков Загоскин заметил, что зрение его стало слабеть. Он долго страдал и наконец вовсе перестал видеть. Слыша о чудесах, которые подают святой Иннокентий, больной непрестанно обращался к нему с молитвой о помощи. Однажды, сидя в кресле, он забылся легкой дремотой. Вдруг перед ним явился святитель Иннокентий в полном облачении, как он почивает во гробе. Святитель положил свою десницу на голову болящего и повелел чаще призывать его имя. Спустя немного времени протоиерей начал слегка разбирать окружающие его предметы, а потом стал ясно видеть все.

В Вознесенский монастырь, в котором погребены мощи святого Иннокентия, раз прибыли два человека, чтобы прогуляться. Зайдя в церковь, они остановились перед ракою угодника Божия и начали кощунствовать: один взял святителя за руку, другой за ногу. Господь скоро наказал их за дерзость. Когда они возвращались домой, дрожки, на которых оба ехали, упали, и один из кощунников сломал себе руку, а другой – ногу.

Летом 1783 году в Вознесенском монастыре произошел пожар. Была уже объята пламенем и деревянная Тихвинская церковь, под которой покоились мощи святого Иннокентия. Народ с ужасом ожидал, что святые мощи погибнут в огне, и просил у епископа Михаила разрешения вынести их из пещеры. Епископ на эту просьбу ответил: «Если покойный Иннокентий угодил Богу, то ради его нетленных мощей Всемогущий спасет и церковь».

И тотчас огонь начал ослабевать. Тихвинская церковь осталась целою, лишь с обгорелыми снаружи стенами.

В 1796 году из Екатеринбурга была приведена в Иркутск одна слабоумная женщина. Кто она была такая, как было ей имя – никто этого не знал. Она впала в тяжелую болезнь. Добрые люди приютили ее. Находясь в болезни, она просила денег у своих благодетелей. «На что тебе деньги?» – спросили ее. «Мне надо идти за реку, поставить свечи там, где живут одетые в черное платье и погребен старец». Ей дали денег, она переправилась через Ангару, попросила указать ей дорогу в Вознесенскую обитель. В это время в монастыре совершалась литургия. В течение всей службы больная усердно молилась перед иконою Богоматери и часто подходила к тому месту, где находилась гробница святителя. Через два дня слабоумная не только получила исцеление от своего недуга, но даже стала рассуждать совершенно здраво. Умственное расстройство у нее совсем прошло. Она рассказала, кто она и откуда, прибавила, что ей во сне явился святитель, велел исповедаться и приобщиться

Святых Таин. Он сказал ей, что вскоре, в такой-то день, она умрет. Действительно, в назначенный святителем день она умерла.

Честное тело святителя, погребенное под алтарем Тихвинской церкви в Вознесенской обители, недолго оставалось под спудом. Около 1765 года по случаю перестройки храма гробницу с мощами святителя открыли. Гроб был совершенно цел, даже бархат, которым он был обит, не был поврежден сыростью. Святые мощи оказались совершенно нетленными и издавали благоухание.

В 1800 году сенаторы Ржевский и Левашев, бывшие с ревизией в Иркутской губернии, донесли императору Павлу I о нетленности мощей святого Иннокентия и о чудесах, происшедших от мощей угодника Божия. В том же году согласно с желанием государя Святейший Синод предписал двум епископам – Вениамину Иркутскому и Иустину, викарию Казанскому – произвести точное дознание по сему делу. Строгое исследование духовных и мирских лиц, производившееся в начале 1801 года, вполне подтвердило сообщение сенаторов. 5 марта епископы сделали донесение Святейшему Синоду, в котором высказывали и свое мнение: «Чтобы сего первого Иркутского епископа Иннокентия причесть к лику святителей, Церковью почитаемых и прославляемых; тело его нетленное, яко истинные мощи и достойные, чтобы для почитания народного были объявлены и открыты». Через два года Святейший Синод потребовал от Иркутского епископа новые сведения, касающиеся признания святости угодника Божия. Епископ ответил, что в нетленном теле святителя за эти два года не произошло перемены, что усердие жителей увеличивается, что произошли новые исцеления и явления святителя, описание которых в числе 24-х епископ послал в Святейший Синод. После сего синодальным определением святитель Иннокентий причислен к лику святых, чтимых всею Русскою Церковью, и днем празднования его установлено 26 число ноября (9 декабря). Определение было утверждено императором Александром I 28 октября 1804 года, а 1 декабря объявлено во всеобщее сведение.

Тропарь, глас 3:

Светильниче Церкви пресветлый,/ озаривый лучами доброт твоих страну сию,/ и исцеленьми многими притекающих к тебе с верою/ Бога прославивый,/ молим тя, святителю Иннокентие,/ ограждай молитвами твоими град сей/ от всех бед и печали.

Кондак, глас 4:

Непорочности соименнаго пастыря,/ проповедника веры в языцех Монгольских,/ славу и украшение Иркутския паствы/ любовию восхвалим, вси вернии:/ той бо есть хранитель страны Сибирския/ и молитвенник о душах наших.

Молитва

К тебе, святче Божий, яко к скорому помощнику и молитвеннику о спасении моем, аз недостойный и грешный припадая молюся: не презри мене унылаго, немощнаго, во многая беззакония впадшаго, и по вся дни и часы согрешающаго, но вонми души моей, яко скорблю, и умоли Господа Бога всея твари Содетеля, Емуже ныне предстоиши в радости святых и с лики ангелов, помиловати мя и извести из темницы греховныя душу мою, прежде даже не отъиду отсюду и ктому не уготов явлюся на суд Его. Ей, отче! не посрами мене, к тебе с верою притекающаго, аще бо и недостойн есмь твоего ходатайства и заступления, но ты, быв подражатель человеколюбия Божия, сотвори мя достойна чрез обращение от злых дел к благому житию, да тако душею и телом здрав быв, славлю и пою дивнаго во святых Своих Бога нашего и твое теплое заступление, всегда, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

По материалам сайта: <https://azbyka.ru/days/sv-innokentij-kulchickij>

Святитель Тихон (Беллавин), патриарх Московский и всёя России

Дни памяти

8 февраля (переходящая) - Собор новомучеников и исповедников Церкви Русской

22 февраля - Обретение мощей

7 апреля - Преставление

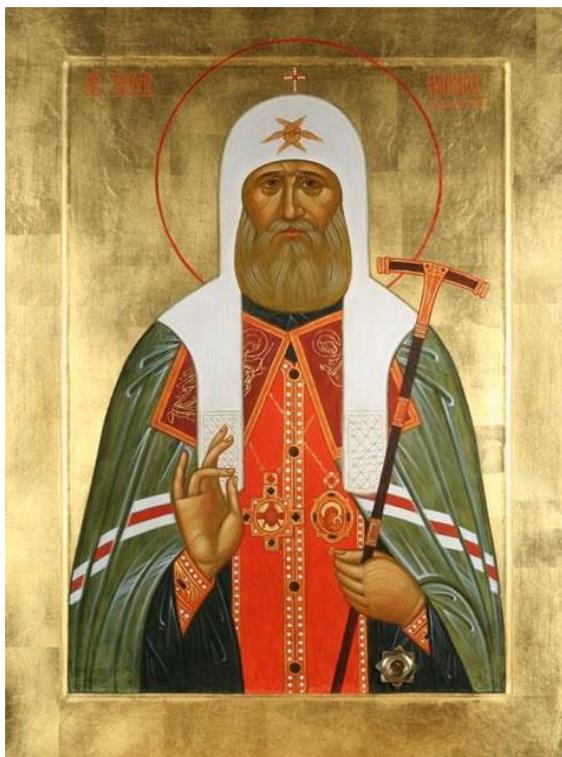
5 июня - Собор Ростово-Ярославских святых

29 июня (переходящая) - Собор Санкт-Петербургских святых

9 октября - Прославление

18 октября - Собор Московских святителей

18 ноября - Память Отцов Поместного Собора Церкви Русской 1917–1918 гг.

Святитель Тихон родился 19 января 1865 года в семье сельского священника Торопецкого уезда Псковской епархии. В миру он носил имя Василия. Когда Василий был еще малолетним, его отцу Иоанну Беллавину было откровение о каждом из его детей. Однажды, когда он с тремя сыновьями спал на сеновале, то вдруг ночью проснулся и разбудил их. «Знаете, – заговорил он, – я сейчас видел свою покойную мать, которая предсказала мне скорую кончину, а затем, указывая на вас, прибавила: этот будет горюном всю жизнь, этот умрет в молодости, а этот – Василий – будет великим». Понял ли старец священник, что его сына будут на всех ектениях по всей России и даже по всему миру поминать "великим господином"? Пророчество явившейся покойницы со всею точностью исполнилось на всех трех братьях.

Детские и юношеские годы Василия прошли в деревне, в непосредственном соприкосновении с крестьянством и близости к сельскому труду. Василий любил Церковь, имел особую религиозную настроенность и был кроток и смирен. Никакого сильного покровительства он не имел и своим великим и славным служением всецело обязан помощи Божией, даровавшей ему мудрость и трудолюбие, восприняв которые, он предал всего себя в волю Божию.

Учился Вася Беллавин в Псковской духовной семинарии в 1878–1883 годах. Он был физически крепким, довольно высокого роста, белокурый, остроумным и жизнерадостным мальчиком. Товарищи любили его. К этой любви всегда присоединялось и чувство уважения, объяснявшееся его неуклонной религиозностью, блестящими успехами в науках и всегдашнюю готовностью помочь товарищам, неизменно обращавшимся к нему за разъяснениями уроков, особенно за помощью в составлении и исправлении многочисленных в семинарии сочинений. В этом юный Василий находил для себя даже какое-то удовольствие, веселье, и с постоянной шуткой, хотя и с наружно серьезным видом, целыми часами проводил с товарищами, поодиночке или группами внимавшими его объяснениям. Примечательно, что товарищи в семинарии шутливо называли его «архиереем».

В Петроградской духовной академии, куда поступил он в 19 лет, не принято было давать шуточные прозвища, но товарищи по курсу, очень любившие ласкового и спокойного религиозного псковича, называли его «патриархом». Впоследствии, когда он стал первым в России, после 217-летнего перерыва, патриархом, его товарищи по академии не раз вспоминали это пророческое прозвище.

В 1888 г. Беллавин 23 лет от роду окончил академию и в светском звании получил назначение в родную Псковскую духовную семинарию преподавателем. И здесь он был любимцем не только всей семинарии, но и города Пскова. Жил он скромно, в мезонине деревянного домика, в тихом переулке близ церкви Николая со Усохи. Стремясь своей чистой душой к Богу, он вел строгую, целомудренную жизнь и на 26 году жизни, в 1891 году, принял монашество. На его постриг собрался чуть не весь город. Опасались, выдержат ли полы тяжесть собравшегося народа, ибо церковь была на втором этаже семинарского здания, поэтому к дню пострига поставили подпорки к потолкам в нижнем этаже. Постригаемый сознательно и обдуманно вступал в новую жизнь, желая посвятить себя исключительно служению Церкви. Ему, с молодости отличавшемуся кротостью и смирением, было дано имя Тихон – в честь святителя Задонского († 1783 г.; память 13/26 августа).

Из Псковской семинарии иеромонаха Тихона переводят инспектором в Холмскую духовную семинарию, где он вскоре затем был и ректором ее в сане архимандрита. В 1898 г. 34-летний архимандрит Тихон был возведен в сан епископа Люблинского с назначением викарием Холмской епархии.

Епископ Тихон ревностно отдался работам по устройству своего нового назначения. Его честное сердце никогда не выносило каких бы то ни было посторонних вмешательств в церковную жизнь. Ревизируя по обязанности Холмского викария привислинские монастыри, он нашел в одном из них отсутствие полной отчетности и полный произвол графини-игумении в распоряжении монастырскими доходами. Преосвященный Тихон заявил об этом своему архиепископу, и графиня вынуждена была поехать с объяснениями в Петербург, в Синод. Одновременно он любил служить и проповедовать, за одиннадцать месяцев служения в Люблине будущий патриарх произнес 120 проповедей.

В 1898 г., 14 сентября, владыка Тихон был направлен для несения ответственного служения за океан, в далекую Американскую епархию в сане епископа Алеутского.

С большим волнением уезжал в далекие края молодой епископ вместе с младшим своим братом, болезненным юношей, покидая в Псковской губернии горячо любимую мать. Отца его тогда уже не было в живых. Позднее и брат скончался на руках преосвященного Тихона, несмотря на все заботы о нем в далекой Америке, лишь тело его было перевезено в родной Торопец, где жила еще старушка мать. Вскоре с ее кончиной не осталось в живых никого из родственников будущего патриарха.

Возглавляя Православную Церковь в Америке, епископ Тихон много сделал в великом деле распространения Православия, в благоустройстве своей огромной епархии. На ее территории жили люди разных национальностей: русские, сербы, галичане и другие славяне, греки, арабы, креолы, индейцы, алеуты и эскимосы. Одни были из православных стран – России, Греции, Сербии, другие – из стран Оттоманской или Австро-Венгерской империи; некоторые стали православными благодаря миссионерским усилиям на Северо-Американском континенте – Аляске и Алеутских островах. Епископу столь разнообразной паствы необходимо было быть щедрым, гибким и иметь ко всем сердечное расположение. 22 мая 1901 года епископ Тихон освятил при закладке камень в фундамент Свято-Николаевского собора. Такая церемония состоялась в Нью-Йорке впервые. Примерно через год, в ноябре 1902 года, сирийские и русские приходы в Нью-Йорке имели уже настоящие дома молитвы: сирийский храм в Бруклине во имя св. Николая был освящен 9 ноября 1902 года; 23 ноября был освящен русский храм во имя св. Николая. Строительство храма св. Троицы в Чикаго заняло меньше года – с апреля 1902 года до марта 1903 года.

Одновременно с заботой о строительстве церквей епископ Тихон осуществляет пастырские поездки по своей епархии. «Вестник» тех лет давал ежемесячную хронику его постоянных и трудных визитов на Аляску, на Алеутские острова, в Канаду и в разные части Соединенных Штатов. Каждое пастырское посещение занимало определенное время: нужно было проверить приходские счета, рассмотреть проекты строительства, проверить школьников, встретиться с духовенством, прочитать письма и другие бумаги. Епископ Тихон посещал самые разные общины. Хорошо известно, что в те годы, когда он управлял Северо-Американской епархией, с Православной Церковью воссоединилось множество униатов. Многие приходы, возникшие в восточных штатах, состояли из бывших униатов, и епископ нес ответственность за то, чтобы эти общины всегда оставались составной частью Православной Церкви.

При своих пастырских поездках епископ Тихон пришел к выводу о необходимости реорганизации епархиальной структуры. Первым шагом в этом, предпринятым епископом Тихоном, было прошение к Святейшему Синоду о переименовании епархии. В качестве показателя миссионерских корней епархиальный архиерей назывался епископом Алеутским и Аляскинским, хотя кафедра с 1868 была в Сан-Франциско. Просьба епископа Тихона состояла в том, чтобы епархия называлась Алеутской и Северо-Американской. Святейший Синод счел его доводы состоятельными и в 1900 году принял по ним положительное решение.

О желательности перевода кафедры в Нью-Йорк и создании в епархии викариатства впервые написал епархиальный «Вестник» 14/27 марта 1902 года. В те годы в нем регулярно освещались пастырские поездки епископа Тихона. Одна из статей кончалась выводом о том, что для решения всех миссионерских проблем нужно перенести кафедру на Восток и создать викариатство на Западе.

В июне 1903 года епископ Тихон отправился в Россию. Там он был вызван на сессию Св. Синода. Епископу Тихону было разрешено осуществить некоторые планы и проекты. «Вестник» от 15/28 сентября 1903 года опубликовал письмо Тихона о Северо-Американской семинарии.

12 декабря 1903 года Св. Синод принял решение о создании Аляскинского викариатства в Северо-Американской епархии. Викарным епископом был назначен преосвященный Иннокентий (Пустынский).

Епископ Тихон возвратился в Нью-Йорк 24 января 1904 года. Его пребывание в России оказалось успешным для возглавляемой им епархии. Новый викарий должен был прибыть через несколько недель. За этот период произошло и другое доброе событие. Св. Синод сообщил епископу Тихону об удовлетворении его просьбы о возведении архимандрита Рафаила в сан епископа Бруклинского, второго викария. Хиротония состоялась в сирийском храме св. Николая в Бруклине 12 марта. Храм был полон верующими до отказа. Архимандрит Рафаил прочитал Символ веры частично на славянском и частично на арабском языках.

Епископ Тихон был возведен в сан архиепископа 19 мая 1905 года. В документе, написанном архиепископом Тихоном в декабре 1905 года, отражены его пророческие представления о Православной Церкви в Америке. В ответ на анкету, разосланную всем епархиальным архиереям Русской Церкви Св. Синодом в ходе подготовки к давно ожидаемому Собору Русской Церкви, архиепископ Тихон высказал свои идеи о структуре Православной миссии в Северной Америке. Он предложил превратить епархию в экзархат Русской Церкви, но с широкой автономией. Уже тогда он высказывался о возможности рассмотрения вопроса об автокефалии. Сербскую миссию он предложил сделать викариатством с центром в Чикаго. Греческие общины, писал он, должны быть организованы так же, как Сирийская и Сербская миссии. Он усматривал необходимость автономии и независимости только в вопросах, влияющих на внутреннюю жизнь или структуру каждой национальной епархии или викариатства, и подчеркивал также

необходимость согласованных общих решений, выработанных епископами на заседаниях под председательством архиепископа в вопросах, касающихся всех.

Как епископу миссионерской епархии, распростершейся по всему континенту, епархии с многонациональной паствой, владыке Тихону приходилось думать о создании таких учреждений, которые помогли бы Церкви в Америке стать самостоятельной. Существовала очевидная необходимость в школе. Условия, в которых совершались пастырские труды в Северной Америке, весьма отличались от условий в России. Большинство служивших в миссии священников прибыли из-за границы, где они и получили свое образование. Такая зависимость от помощи извне была для епархии нежелательной. В 1905–1906 учебном году Миссионерская школа в Миннеаполисе, Миннесота, была преобразована в семинарию. В 1913 году она была переведена в Тенальфи, Нью-Джерси. В семинарии было воспитано два поколения священников для Церкви в Америке.

Становящаяся все более самостоятельной Церковь нуждалась также и в монастыре. «Вестник» время от времени уделял внимание этому вопросу. Лидером дискуссии был иеромонах Арсений (Чаузов), которому в июне 1905 года архиепископ Тихон дал благословение на создание монастыря близ Саут-Канаана в Пенсильвании. К моменту перевода архиепископа Тихона в Ярославль Свято-Тихоновский монастырь был уже освящен и насчитывал пять насельников.

Хроника пастырских поездок архиепископа Тихона показывает, что он возглавлял богослужения, совершавшиеся на нескольких языках. К концу пребывания архиепископа Тихона в Америке в Северо-Американской миссии была Сирийская миссия с девятью общинами и Сербская миссия также с девятью общинами. Многие приходы были многонациональными, и богослужения должны были проводиться на двух-трех языках. Наиболее приемлемым стал английский.

С самого начала своего служения в Америке архиепископ Тихон при малейшей возможности созывал епархиальное духовенство для обсуждения проблем жизни миссии. Одним из первых признаков того, что он желал большего, явилась конференция духовенства в Кливленде, Огайо, 2 июня 1905 года.

В январе 1907 года в «Вестнике» появилось объявление о созыве Собора от имени предсоборного комитета, назначенного архиепископом Тихоном. Собор открылся 5 марта. Делегатов приветствовал архиепископ Тихон, предложивший в качестве темы такую: «Как расширять миссию». Было решено начать работу с выработки Устава, который был бы законным и авторитетным в глазах гражданских властей. Собор после некоторого обсуждения выработал название Северо-Американской миссии – «Святая Православная Соборная и Апостольская Церковь», отразив таким образом наличие всех национальностей и языков.

На второй сессии рассматривались финансовые проблемы епархии.

На последней сессии Собора рассматривались богослужебные вопросы. Эта дискуссия была вызвана расхождениями в совершении обрядов и служб в разных приходах. Некоторые выступали за единообразие, но Собор согласился с мнением архиепископа Тихона о том, что различия совершенно естественны, поскольку православие в Америке возникло благодаря выходцам из разных стран, и что священник должен объяснять прихожанам разницу между главным и второстепенным. Если расхождения не затрагивают сути веры, они приемлемы.

В Америке, как и в предыдущих местах службы, архиепископ Тихон снискал себе всеобщую любовь и преданность. Он очень много потрудился на ниве Божией. Паства и пастыри неизменно любили своего архипастыря и глубоко чтили. Американцы избрали архиепископа Тихона почетным гражданином Соединенных Штатов.

В 1907 году он был назначен на Ярославскую кафедру. Одним из первых распоряжений по епархии архипастыря было категорическое запрещение духовенству при личных к нему обращениях класть вошедшие в обычай земные поклоны. В Ярославле святитель быстро приобрел любовь своей паствы, оценившей его светлую душу и теплую заботу о всех своих

пасомых. Все полюбили доступного, разумного архипастыря, охотно откликавшегося на все приглашения служить в многочисленных храмах Ярославля, в его древних монастырях и приходских церквях обширной епархии. Часто посещал он церкви и без всякой пышности ходил пешком, что в ту пору было необычайным делом для русских архиереев. В посещении церквей вникал во все подробности церковной обстановки, поднимался иногда на колокольню, к удивлению батюшек, непривычных к такой простоте архиереев. Но это удивление скоро сменялось искренней любовью к архипастырю, разговаривавшему с подчиненными просто, без всякого следа начальственного тона. Даже замечания обыкновенно делались добродушно, иногда с шуткой, которая еще более заставляла виновного стараться устранить неисправность.

Владыка Тихон оказывал неизменную поддержку тем церковным кругам, которые боролись за правду и свободу церковную. На этой почве у него произошло столкновение с ярославским губернатором, вследствие которого он 22 декабря 1913 года был переведен на Литовскую кафедру. Ярославское общество приняло сторону архипастыря и выразило ему сочувствие, избрав его почетным гражданином Ярославля.

После перевода в Вильну он сделал особенно много пожертвований в различные благотворительные учреждения. Здесь также выявилась его натура, богатая духом любви к людям. В Вильне от православного архиепископа требовалось много такта. Нужно было регулировать отношения между местными властями и православными жителями края. Для любящего во всем простоту архиепископа Тихона труднее всего было поддерживать внешний престиж духовного главы господствующей Церкви в крае, где высоко ценили пышность. В этом отношении простой и скромный владыка не оправдывал, кажется, требований ревнителей внешнего блеска, хотя в церковном служении он не уклонялся, конечно, от подобающего церковного великолепия. И там все его уважали. Вот он едет из Вильны на свою архиерейскую дачу, в простой коляске и в дорожной скуфейке, но все, кто его встречали и узнавали, – русские, поляки, евреи – низко ему кланялись. Во время прогулки по «кальварии» – так назывался ряд католических часовен вокруг архиерейской дачи, посвященных разным стадиям крестного пути Христа на Голгофу, – перед архиепископом вставали и приветствовали его все католики, служившие при часовне, хотя он был в подряснике и в шляпе.

Здесь, в Вильне, преосвященного застало в 1914 году объявление войны. Он направлял все свои силы к тому, чтобы помочь несчастным обитателям Виленщины, лишившимся по причине войны с немцами своего крова и средств к существованию и толпами шедшим к своему архипастырю. Его епархия оказалась в сфере военных действий, а затем через нее прошел и военный фронт, отрезавший часть епархии от России. Пришлось преосвященному покинуть Вильну. Сначала он поселился в Москве, куда перешли многие виленские учреждения, а потом в Десне, на окраине своей епархии. Во всех организациях, так или иначе помогавших пострадавшим на войне, обслуживавших духовные нужды воинов, преосвященный Тихон принимал деятельное участие: посещал и болящих, и страждущих, побывал даже на передовых позициях под неприятельским обстрелом, за это позднее он был награжден орденом.

Для преосвященного владыки Тихона, верного своему архиерейскому долгу, интересы Церкви всегда были дороже всего. Он противился любым посягательствам государства на Церковь. Это, конечно, влияло на отношение к нему правительства. Именно поэтому он довольно редко вызывался в столицу для присутствия в Святейшем Синоде. Когда же произошла Февральская революция и был сформирован новый Синод, архиепископа Тихона пригласили в число его членов. 21 июня 1917 года Московский епархиальный съезд духовенства и мирян избрал его, как ревностного и просвещенного архипастыря, широко известного даже за пределами своей страны, своим правящим архиереем. Вот что писал об этом избрании орган Московской Духовной Академии «Богословский Вестник»: «Европейски просвещенный архиепископ Тихон на всех местах своего служения проявил себя независимым деятелем высокой честности, твердости и энергии и одновременно

большого такта, человеком сердечным, отзывчивым и чрезвычайно простым и доступным как в деловых, так и в частных отношениях к людям. Замечательно, наконец, что при всей страстности, которую иногда принимало обсуждение кандидатов на избирательном съезде, никто не мог бросить и тени чего-либо компрометирующего на личность архиепископа Тихона».

Москва торжественно и радостно встретила своего избранника-архипастыря. Он скоро пришелся по душе москвичам – и светским, и духовным. Для всех у него находился равный прием и ласковое слово, никому не отказывал он в совете, в помощи, в благословении. Скоро оказалось, что владыка охотно принимает приглашения служить в приходских церквях, и вот церковные причты начинают наперебой приглашать его на служение в престольные праздники, и отказа никому не было. После службы архипастырь охотно заходил и в дома прихожан, к их великой радости. Вся Москва за короткое время узнала своего архиерея и полюбила его.

15 августа 1917 года в Москве открылся Поместный Собор, и архиепископ Московский Тихон был удостоен сана митрополита, а затем был избран председателем Собора.

Много мудрости и такта требовало от него руководство Собором. Надо было примирять и направлять в единое правильное русло на благо Церкви противоречащие друг другу взгляды его членов, разного рода течения соборных групп.

Собор ставил своей целью восстановить жизнь Русской Церкви на строго канонических началах, и первой большой и важной задачей, остро ставшей перед Собором, был вопрос о патриаршестве.

«Почему необходимо восстановить патриаршество? – спрашивал Собор в свой исчерпывающей, блестящей речи архимандрит, позднее архиепископ, Иларион. – Потому что патриаршество есть основной закон высшего управления каждой Поместной Церкви». Церковное законодательство в лице Апостольских правил совершенно недвусмысленно требует: «Епископам всякого народа – в том числе и русского, разумеется, – подобает знать первого из них и признавать его как главу. Вся Вселенская Христова Церковь до 1721 года не знала ни одной Поместной Церкви, управляемой коллегиально, без первоиерарха».

Избрание на патриарший престол – 5/18 ноября

На Соборе все тревожились о судьбе московских святынь, подвергавшихся обстрелу во время революционных событий. И вот первым спешит в Кремль, как только доступ туда оказался возможным, митрополит Тихон во главе небольшой группы членов Собора. С каким волнением выслушал Собор живой доклад митрополита, только что вернувшегося из Кремля, как перед этим члены Собора волновались из опасения за его судьбу: некоторые из спутников митрополита вернулись с полпути и рассказали о том, что они видели, но все свидетельствовали, что митрополит шел совершенно спокойно и побывал везде, где было нужно. Высота его духа была тогда для всех очевидна.

Приступили к выборам патриарха. Решено было голосованием всех членов Собора избрать трех кандидатов, а затем предоставить воле Божией посредством жребия указать избранника. И вот, усердно помолившись, члены Собора начинают длинными вереницами проходить перед урнами с именами намеченных кандидатов. Первое и второе голосование дало требуемое большинство архиепископам Харьковскому Антонию и Новгородскому Арсению и лишь на третьем

определился митрополит Московский Тихон. Итак, свободным голосованием членов Собора, на патриарший престол были избраны три кандидата. «Самый умный из русских архиереев – архиепископ Антоний, самый строгий – архиепископ Арсений и самый добрый – митрополит Тихон», – так выразился один из членов Собора.

Перед Владимирской иконой Божией Матери, принесенной из Успенского собора в храм Христа Спасителя, после торжественной литургии и молебна, 5 ноября схииеромонах Зосимовой пустыни Алексей, член Собора, благоговейно вынул из урны один из трех жребиев с именем кандидата, и митрополит Киевский Владимир провозгласил имя избранника – митрополита Тихона. С каким смирением, сознанием важности выпавшего жребия принял преосвященный Тихон известие о Божием избрании. Он не жаждал нетерпеливо этой вести, но и не тревожился страхом – его спокойное преклонение перед волей Божией было ясно видно для всех. Когда торжественная депутация членов Собора, во главе с высшим духовенством, явилась в церковь Троицкого подворья в Москве для «благовестия» о Божием избрании и для поздравления вновь избранного патриарха, преосвященный Тихон вышел из алтаря в архиерейской мантии и ровным голосом начал краткий молебен.

После молебна митрополит Владимир, обращаясь к новоизбранному, произнес: «Преосвященный митрополит Тихон, священный и великий Собор призывает твою святыню на патриаршество богоспасаемого града Москвы и всея России», на что митрополит Тихон отвечал: «Понеже священный и великий Собор судил меня, недостойного, быти в таком служении, благодарю, приемлю и нимало вопреки глаголю». Вслед за провозглашенным ему многолетием митрополит Тихон обратился к Соборному посольству с кратким словом.

«Возлюбленные о Христе отцы и братие. Сейчас я изрек по чиноположению слова: “Благодарю, и приемлю, и нимало вопреки глаголю”. Конечно, безмерно мое благодарение ко Господу за неизреченную ко мне милость Божию. Велика благодарность и к членам священного Всероссийского Собора за высокую честь избрания меня в число кандидатов на патриаршество. Но, рассуждая по человеку, могу много глаголать вопреки настоящему моему избранию. Ваша весть об избрании меня в патриархи является для меня тем свитком, на котором было написано: “Плач, и стон, и горе”, и каковой свиток должен был съесть пророк Иезекииль (Иез.2:10,3:1). Сколько и мне придется глотать слез и испускать стонов в предстоящем мне патриаршем служении и особенно в настоящую тяжелую годину! Подобно древнему вождю еврейского народа Моисею, мне придется говорить ко Господу: Для чего Ты мучишь раба Твоего? И почему я не нашел милости пред очами Твоими, что Ты возложил на меня бремя всего народа сего? Разве я носил во чреве весь народ сей и разве я родил его, что Ты говоришь мне: неси его на руках твоих, как нянька носит ребенка? Я один не могу нести всего народа сего, потому что он тяжел для меня (Чис.11:11-14). Отныне на меня возлагается попечение о всех церквах российских и предстоит умирание за них во вся дни. А сим кто доволен, даже из крепких мене? Но да будет воля Божия! Нахожу подкрепление в том, что избрания сего я не искал, и оно пришло помимо меня и даже помимо человека, по жребию Божию. Уповаю, что Господь, призвавший меня, Сам и поможет мне Своею всеильною благодатию нести бремя, возложенное на меня, и соделает его легким бременем. Утешением и ободрением служит для меня и то, что избрание мое совершается не без воли Пречистой Богородицы. Дважды Она пришествием Своей честной иконы Владимирской в храме Христа Спасителя присутствует при моем избрании: в настоящий раз самый жребий взят от чудотворного Ее образа. И я как бы становлюсь под честным Ее омофором. Да прострет же Она, Многомощная, и мне, слабому, руку Своей помощи, и да избавит град сей и всю страну Российскую от всякия нужды и печали».

Время перед торжественным возведением на патриарший престол митрополит Тихон проводил в Троице-Сергиевой Лавре, готовясь к принятию высокого сана. Соборная комиссия спешно вырабатывала давно забытый на Руси порядок постановления

патриархов. Добыли из богатой патриаршей ризницы облачения русских патриархов, жезл митрополита Петра, митру, мантию и белый куколь патриарха Никона.

Великое церковное торжество происходило в Успенском соборе 21 ноября 1917 года. Мощно гудел Иван Великий, кругом шумели толпы народа, наполнявшие не только Кремль, но и Красную площадь, куда были собраны крестные ходы из всех московских церквей. За литургией два первенствующие митрополита при пении «Аксиос» трижды возвели Божия избранника на патриарший трон, облачили его в подобающие его сану священные одежды.

Когда митрополит Владимир вручил ему с приветственным словом жезл святителя Петра, митрополита Московского, святейший патриарх ответил исполненной глубины прозрения речью:

«Устроением Промышления Божия мое вхождение в сей соборный патриарший храм Пречистой Богоматери совпадает с всечестным праздником Введения во храм Пресвятой Богородицы. Сотвори Захария вещь странну и всем удивительну, егда введе в самую внутреннюю скинию, во Свята Святых, сие же сотвори по таинственному Божию научению. Дивно для всех и мое Божиим устроением нынешнее вступление на патриаршее место после того, как свыше 200 лет стояло пусто. Многие мужи, сильные словом и делом, свидетельствованные в вере, мужи, которых весь мир не был достоин, не получили, однако, осуществления своих чаяний о восстановлении патриаршества на Руси, не вошли в покой Господень, в обетованную землю, куда направлены были их святые помышления, ибо Бог предзрел нечто лучшее о нас. Но да не впадем от сего, братие, в гордыню.

Один мыслитель, приветствуя мое недостоинство, писал: «Может быть, дарование нам патриаршества, которого не могли увидеть люди, более нас сильные и достойные, служит указанием проявления Божией милости именно к нашей немощи, к бедности духовной». А по отношению ко мне самому дарованием патриаршества дается мне чувствовать, как много от меня требуется и как много для сего мне не достает. И от сознания сего священным трепетом объемлется ныне душа моя. Подобно Давиду, я и мал бе в братии моей, а братия мои прекрасны и велики, но Господь благоволил избрать меня. Кто же я, Господи, Господи, что Ты так воззвал и отличил меня? Ты знаешь раба Твоего, и что может сказать Тебе? И ныне благослови раба Твоего. Раб Твой среди народа Твоего, столь многочисленного – даруй же сердце разумное, дабы мудро руководить народом по пути спасения. Согрей сердце мое любовью к чадам Церкви Божией и расширь его, да не тесно будет им вмещаться во мне. Ведь архипастырское служение есть по преимуществу служение любви. Горохищное обрет овча, архипастырь подымлет е на рамена своя. Правда, патриаршество восстанавливается на Руси в грозные дни, среди огня и орудийной смертоносной пальбы. Вероятно, и само оно принуждено будет не раз прибегать к мерам запрещения для вразумления непокорных и для восстановления порядка церковного. Но как в древности пророку Илии явился Господь не в буре, не в трусе, не в огне, а в прохладе, в веянии тихого ветерка, так и ныне на наши малодушные укору: «Господи, сыны Российские оставили завет Твой, разрушили Твои жертвенники, стреляли по храмовым и кремлевским святыням, избивали священников Твоих», – слышится тихое веяние словес Твоих: «Еще семь тысяч мужей не преклонили колена пред современным ваалом и не изменили Богу истинному». И Господь как бы говорит мне так: «Иди и разыщи тех, ради коих еще пока стоит и держится Русская земля. Но не оставляй и заблудших овец, обреченных на погибель, на закланье, овец, поистине жалких. Паси их, и для сего возьми сей жезл благоволения, с ним потерявшуюся – отыщи, угнанную – возврати, пораженную – перевяжи, больную – укрепи, разжиревшую и буйную – истреби, паси их по правде». В сем да поможет мне Сам Пастыреначальник, молитвами Пресвятыя Богородицы и святителей Московских. Бог да благословит всех нас благодатию Своею. Аминь».

После литургии патриарх по древнему обычаю с крестным ходом обошел вокруг Кремля, окропляя его святой водой.

Рука Божия в деле возглавления Русской Церкви именно святейшим Тихоном в качестве патриарха не могла быть не усмотрена тогда же. Архиепископ Харьковский Антоний от лица всех епископов сказал новоизбранному: «Ваше избрание нужно назвать по преимуществу делом Божественного Промысла по той причине, что оно было бессознательно предсказано друзьями юности, товарищам вашими по академии. Подобно тому, как полтора года тому назад мальчишки, учившиеся в Новгородской бурсе, дружески шутили над благочестием своего товарища Тимофея Соколова, кадили пред ним своими лаптями, а затем их внуки совершили уже настоящее каждение пред нетленными мощами его, то есть, Вашего небесного покровителя – Тихона Задонского, – так и Ваши собственные товарищи по академии прозвали Вас "патриархом", когда Вы были еще мирянином и когда ни они, ни Вы сами не могли и помышлять о действительном осуществлении такого наименования, данного Вам друзьями молодости за ваш степенный, невозмутимо солидный нрав и благочестивое настроение».

Интересна встреча будущего патриарха с Иоанном Кронштадтским в 1908 г. в Петербурге. Старый уже и больной о. Иоанн, вопреки этикету, первый закончил беседу следующими словами: «Теперь, Владыко, садись на мое место, а я пойду отдохну». Эти слова многими истолковывались так, что о. Иоанн как бы назначил архиепископа Тихона своим преемником в качестве религиозного вождя русского народа и предрек ему патриаршество.

Вступление святейшего Тихона на патриарший престол свершилось в самый разгар революции. Государство не просто отделилось от Церкви – оно восстало против Бога и Его Церкви. Когда во время приезда патриарха Тихона в 1918 г. в Петроград сотрудник одной из петроградских газет спросил, что доносится ему со всех концов России, святейший после некоторого раздумья ответил: «Вопли». Что было делать в такой ситуации патриарху? Требовалось найти единственно верное решение, отвечающее неповторимой, совершенно новой внешней обстановке. В чем же была единственная задача Церкви? Остаться Церковью: претерпевая удары, унижения, преследования, не отвечая на них ничем иным, как только твердым стоянием в истине. Государство безбожно? Пусть! Церковь в своей принципиальной отделенности от него остается Православной. Так начинается борьба, существо которой не укладывается ни в какие привычные понятия, борьба, которая выражается только в стойкости несения креста. Патриарх все готов был простить в отношении себя – лишь бы нетронутой была Церковь, лишь бы была обеспечена ее внутренняя независимость. Надо было острие развернувшейся борьбы притупить, надо было найти общий язык с властями, чтобы сохранить церковный корабль от потопления. Здесь требовалось много мудрости и терпения. Как непередаваемо и неповторимо то чувство, которое испытывала Россия в отношении своего патриарха. В нем, как в фокусе, сосредоточилось само бытие Церкви. Став предстоятелем Церкви, патриарх Тихон не изменился – остался таким же доступным, ласковым человеком для простых людей. Близкие к нему лица советовали по возможности уклоняться от утомительных служений, но святейший служил часто. Только в первый год своего первосвятительства им совершено 196 служб – следовательно, патриарх совершал служение через день, а иногда и каждый день. Везде его узнавали, везде полюбили и потом стояли за него горой, когда пришла нужда его защищать.

Святейший патриарх Тихон для православных людей – не только носитель высшей церковной власти. Он дорог им и как человек, достигший высокой степени совершенства, как бы благодатный носитель Духа Божия, дающего слово мудрости и рассуждения.

Своей жизнью он явил редкий нравственный облик христианина-монаха, отличаясь глубокой религиозной настроенностью, духом целомудрия, смиренномудрия, терпения и любви. Святейший Тихон – воистину благодатная личность, жившая для Бога и Богом просветленная.

«Не напрасно носил он титул святейшего. Это была действительно святость, величавая в своей простоте и простая в своем исключительном величии», – вспоминало о патриархе

русское духовенство. «От святейшего уходишь духовно умытым», – говорили посещавшие его.

Великая любовь ко Христу, к Его Церкви и к людям проходила светлой полосой через всю жизнь и деятельность святейшего патриарха Тихона. «Он был олицетворением кротости, доброты и сердечности», – кратко и верно охарактеризовал святейшего епископ Августин (Беляев). «Он любил вас всей силой великой души. Он душу полагал за вас...» – говорил другой архиерей бесчисленным тысячам православного русского народа, собравшимся ко гробу своего дорогого первосвятителя. «Молитвенник народный, старец всея Руси», – называли патриарха пасомые.

Его необыкновенная чуткость и отзывчивость проявлялись и в его широкой благотворительности, в щедрой помощи всем неимущим и обездоленным. Редкую заботу святейшего Тихона не могли отрицать даже его враги и часто бывали обезоружены ею. «Подите к патриарху, попросите у него денег, и он вам отдаст все, что у него есть, несмотря на то, что ему, патриарху, в его возрасте, измученному после богослужения, придется идти пешком, что и было недавно», – свидетельствовал даже один из зачинщиков церковной смуты.

Все соприкасавшиеся со святейшим Тихоном поражались его удивительной доступности, простоте и скромности. Многие нечуткие и недальновидные люди не понимали его, злоупотребляли этими сторонами его души, готовы были видеть в нем «просто симпатичного человека», а между тем здесь-то и проявляется истинная святость. Широкую доступность святейшего нисколько не ограничивал его высокий сан. Двери его дома всегда были для всех открыты, как открыто было каждому его сердце – отзывчивое, любвеобильное. Будучи необыкновенно простым и скромным как в личной жизни, так и в своем первосвятительском служении, святейший патриарх и не терпел, и не делал ничего внешнего, показного. Он явил собой пример великого благородства. Безропотно нес он свой тяжелый крест. Он никогда не пытался выделить себя, не старался как-либо непременно настоять на своем, исполнить во что бы то ни стало свою волю. Он был полон неподдельного, глубокого смирения и всецело отдавал себя в волю Божию, благую и совершенную. Он стремился одну ее искать и исполнять, что неизбежно заставляло его отказываться от своей человеческой воли. В последнем случае он мог давать повод своим врагам обвинять его в безволии. Но он смотрел на жизнь не по-мирскому, а по разуму Божию, проявляя здесь свою истинную мудрость.

Это и отличало его всегда как человека и архиерея. Этим он производил впечатление такой души, в которой живет и действует Христос. И свою паству звал к тому же святейший Тихон. Одно из своих патриарших воззваний он закончил словами: «Господь да умудрит каждого из вас искать не своего, но правды Божией и блага Святой Церкви!»

Но мягкость в обращении патриарха Тихона не мешала ему быть непреклонно твердым в делах церковных, особенно в защите Церкви от ее врагов.

Истинная добродетель всегда скрыта, и видят ее лишь люди чуткие. Многих великих святых их современники не замечали.

Огромные задачи стали перед святейшим Тихоном. Ему была вверена многомиллионная, необозримая по территории Русская Православная Церковь со всеми ее духовным и материальными ценностями. Вот почему в сознании своей великой ответственности он всегда, по завету Христа, Божье отдавал только Богу.

Патриарх не уклонялся и от прямых обличений, направленных против гонений на Церковь, против террора и жестокости, против отдельных безумцев, которым он провозглашает даже анафему в надежде разбудить этим грозным словом их совесть. Каждое послание патриарха Тихона, можно сказать, дышит упованием на то, что и в среде богоборцев возможно еще покаяние – и к ним обращает он слова обличения и увещания. Описывая в послании от 19 января 1918 года гонения, воздвигнутые на истину Христову, и зверские избиения ни в чем неповинных людей без всякого суда, с попранием всякого права и законности, патриарх говорил: «Все сие преисполняет сердце наше глубокою

болезненную скорбью и вынуждает нас обратиться к таковым извергам рода человеческого с грозным словом обличения. Опомнитесь, безумцы, прекратите ваши кровавые расправы. Ведь то, что творите вы, не только жестокое дело, это – поистине дело сатанинское, за которое подлежите вы огню геенскому в жизни будущей, загробной, и страшному проклятию потомства в жизни настоящей, земной».

И в послании патриарха Тихона Совету Народных Комиссаров по случаю первой годовщины Октябрьской революции говорится: «Захватывая власть и призывая народ довериться вам, какие обещания давали вы ему и как исполнили эти обещания? Поистине, вы дали ему камень вместо хлеба и змею вместо рыбы (Мф.4:9-10). Отечество вы подменили бездушным интернационалом... Вы разделили весь народ на враждующие между собой станы и ввергли его в небывалое по жестокости братоубийство. Любовь Христову вы открыто заменили ненавистью и вместо мира искусственно разожгли классовую вражду. И не предвидится конца порожденной вами войне, так как вы стремитесь руками русских рабочих и крестьян доставить торжество призрак мировой революции... Никто не чувствует себя в безопасности, все живут под постоянным страхом обыска, грабежа, выселения, ареста, расстрела. Вы обещали свободу... Особенно больно жестокое нарушение свободы в делах веры, в органах печати злобные богохульства и кощунства... Вы наложили свою руку на церковное достояние, собранное поколениями верующих... Вы закрыли ряд монастырей и домовых церквей... Вы заградили доступ в Московский Кремль – это священное достояние всего верующего народа. Вы разрушаете исконную форму церковной общины – прихода... разгоняете церковные епархиальные собрания, вмешиваетесь во внутреннее управление Православной Церкви... Мы знаем, что наши обличения вызовут в вас только злобу и негодование и что вы будете искать в них лишь повода для обвинения нас в противлении власти; но чем выше будет подниматься столп злобы вашей, тем вернейшим будет то свидетельством справедливости наших обвинений... Отпразднуйте годовщину своего пребывания у власти освобождением заключенных, прекращением кровопролития, насилия, разорения, стеснения веры... А иначе взыщется от вас всякая кровь праведная, вами проливаемая (Лк.11:51), и от меча погибнете сами вы, взявшие меч (Мф.26:52)».

Неизмеримо тяжел был его крест. Руководить Церковью ему пришлось среди всеобщей церковной разрухи, без вспомогательных органов управления, в обстановке внутренних расколов и потрясений, вызванных всевозможными «живоцерковниками», «обновленцами», «автокефалистами». «Тяжелое время переживает наша Церковь», – писал в июле 1923 года святейший.

Сам же святейший Тихон был настолько скромнен и чужд внешнего блеска, что очень многие при его избрании патриархом сомневались, справится ли он со своими великими задачами. Но теперь, видя необыкновенно плодотворные результаты его подвижнической деятельности, можно справедливо сказать о святейшем: все, что мог, он уже совершил, всецело оправдав те надежды, какие возложила на него Церковь!

Своей мягкостью, кротостью, снисходительностью, своим тихим и любвеобильным отношением к людям святейший патриарх умел всех примирить, успокоить. Умел победить своим незлобием все враждебное Церкви и внутри и вне ее. Своим исключительно высоким нравственным и церковным авторитетом он собрал воедино распыленные и обескровленные церковные силы. В период церковного безвременья его незапятнанное имя было светлым маяком, указавшим путь к истине православия. Своими посланиями он звал народ к исполнению заповедей Христовой веры, к духовному возрождению через покаяние. А его безукоризненная жизнь была примером для всех. Нельзя без волнения читать призыв к покаянию патриарха, обращенный им к народу перед Успенским постом.

«Еще продолжается на Руси эта страшная и томительная ночь, и не видно в ней радостного рассвета... Где же причина?... Вопросите вашу православную совесть... Грех – вот корень болезни... Грех растлил нашу землю... Грех, тяжкий, нераскаянный грех вызвал сатану из бездны... О, кто даст очам нашим источники слез!.. Где ты, некогда могучий и

державный русский народ?.. Неужели ты не возродишься духовно?.. Неужели Господь навсегда закрыл для тебя источники жизни, погасил твои творческие силы, чтобы посечь тебя, как бесплодную смоковницу? О, да не будет сего! Плачьте же, дорогие братия и чада, оставшиеся верными Церкви и Родине, плачьте о великих грехах вашего отечества, пока оно не погубило да конца. Плачьте о самих себе и тех, кто по ожесточению сердца не имеет благодати слез».

Неоднократно устраивались грандиозные крестные ходы для поддержания в народе религиозного чувства, и патриарх неизменно в них участвовал. А когда была получена весть об убийстве царской семьи, то патриарх на заседании Собора отслужил панихиду, а затем служил и заупокойную литургию, сказав грозную обличительную речь, в которой говорил, что как бы ни судить политику государя, его убийство, после того, как он отрекся и не делал ни малейшей попытки вернуться к власти, является ничем не оправданным преступлением. «Недостаточно только думать это, – добавил патриарх, – не надо бояться громко утверждать это, какие бы репрессии ни угрожали вам».

Часто выезжал патриарх и в московские церкви, и вне Москвы, куда его приглашали. Выезжал он либо в карете, пока было можно, либо в открытом экипаже, а перед ним обычно ехал иподиакон в стихаре с высоким крестом в руках. Народ благоговейно останавливался и снимал шапки. Патриарх ездил в Богородск, промышленный город Московской губернии, а позже в Ярославль и в Петроград.

В Богородске рабочие устроили для его встречи красиво убранный павильон, переполняли все улицы во время его проезда. В Ярославле сами комиссары принимали участие во встрече, обедали с патриархом, снимались с ним. О поездках патриарха в Петроград хорошо известно: это был целый триумф. Железнодорожные рабочие настояли, чтобы ему был дан особый вагон, и по пути встречали его на остановках. Религиозное чувство сказалось в русском человеке, он сердцем почувствовал в патриархе «своего», любящего, преданного ему всей душой.

В многострадальной жизни святейшего патриарха пребывание его в Петрограде, может быть, было самым радостным событием. Поездка эта состоялась в конце мая 1918 года. В Москву от Петроградской епархии поехал за ним настоятель Казанского собора протоиерей отец Философ Орнатский, который принял потом мученическую кончину. Навстречу патриарху за границу епархии выехал викарный преосвященный Артемий Лужский, а на вокзале ожидало многочисленное духовенство во главе с митрополитом Вениамином, также впоследствии отдавшим жизнь свою во славу Церкви Христовой. От вокзала до Александрo-Невской Лавры по Старо-Невскому проспекту были выстроены крестные ходы и делегации от приходов. С 6 часов утра начал собираться народ и к приходу поезда переполнил всю Знаменскую площадь, Лиговку и все прилегающие улицы. Звон колоколов всех церквей Петрограда возвещал моменты переезда границы губернии, приближения к городу и выход патриарха из вокзала. Нельзя описать волнения толпы, когда показался экипаж, в котором патриарх был вместе с митрополитом Вениамином. Все бросались к экипажу, плакали, становились на колени. Патриарх, благословляя всех, стоял в коляске до самой Лавры. Здесь его ожидали викарии епархии преосвященные Геннадий Нарвский, Анастасий Ямбургский и Мелхиседек Ладожский, около 200 священников и более 60 диаконов в облачениях. После молебна в переполненном соборе патриарх сказал речь о стоянии за веру до смерти.

Дни пребывания патриарха в Петрограде были днями настоящего всеобщего ликования; даже на улицах чувствовалось необычайное оживление. Святейший жил в Троице-Сергиевом подворье на Фонтанке. Самыми торжественными моментами были его службы в соборах Исаакиевском, Казанском и в Лаврском. В Исаакиевском соборе при встрече патриарха пел хор из 60 диаконов в облачениях, так как соборный хор пришлось распустить из-за отсутствия средств. Сослужили патриарху митрополит, три викария, 13 протоиереев и 10 протодиаконов. На праздник Вознесения в Казанском соборе после литургии был

крестный ход вокруг собора. Вся Казанская площадь и Невский проспект, и Екатерининский канал представляли из себя море голов, среди которого терялась тонкая золотая лента духовенства. В этот день были именины отца Ф. Орнатского, и патриарх прямо из собора пошел к нему. Толпа не расходилась до 4 часов, и святейший много раз выходил в сопровождении именинника на балкон, чтобы благословить всех. На последней торжественной службе в Лавре был хиротонисан во епископа Охтинского единоверческий архимандрит Симон, принявший потом мученическую кончину. Святейший ездил в Иоанновский монастырь на Карповке и служил панихиду на могиле отца Иоанна Кронштадтского. Он посетил также и Кронштадт.

В церковном служении патриарх Тихон соблюдал ту же простоту, какой он отличался в частной жизни: не было у него грубости, тех громких окриков и суетливости, какими иногда сопровождается торжественная служба. Если нужно было сделать какое-либо распоряжение, они давались тихо и вежливо, а замечания делались исключительно после службы, и всегда в самом мягком тоне. Да их и не приходилось делать: служащие проникались тихим молитвенным настроением патриарха, и каждый старался сделать свое дело как можно лучше. Торжественное служение патриарха со множеством архиереев и клириков, многолюдные крестные ходы всегда совершались чинно, в полном порядке, с религиозным подъемом.

Жил патриарх в прежнем помещении московских архиереев, в Троицком подворье Сергиевской Лавры, «у Троицы на Самотеке». Этот скромный, хотя и просторный, дом имел Крестовую церковь, где монахи Сергиевской Лавры ежедневно совершали положенное по уставу богослужение. Рядом с алтарем помещалась небольшая моленная, уставленная иконами; в ней патриарх и молился во время богослужения, когда не служил сам. Но служить он любил и часто служил в своей Крестовой церкви. Дом был окружен небольшим садиком, где патриарх любил гулять, как только позволяли дела. Здесь часто к нему присоединялись и гости, и близко знакомые посетители, с которыми велась приятная, душевная беседа, иногда до позднего часа. Садик уютный, плотно отделенный от соседних дворов, но детишки-соседи взбирались иногда на высокий забор, и тогда патриарх ласково оделял их яблоками, конфетами.

Стол патриарха был очень скромный: черный хлеб подавался по порциям, часто с соломой, картофель без масла. Но и прежде преосвященный Тихон был совсем невзыскателен к столу, любил больше простую пищу, особенно русские щи да кашу.

Начались трудные времена для Церкви: отбиралось церковное имущество, имели место преследования и массовое истребление духовенства. Со всех концов России приходили к патриарху известия об этом.

Для спасения тысяч жизней и улучшения общего положения Церкви патриарх принял меры к ограждению священнослужителей от чисто политических выступлений. 25 сентября 1919 года в разгар уже гражданской войны он издает послание с требованием к духовенству не вступать в политическую борьбу.

Отсутствие враждебности к существующей государственной власти и призыв к гражданской лояльности стали свойственны посланиям патриарха задолго до того, как стало ясно, что большевики победят в гражданской войне. Осенью 1919 года, 30 сентября, белые войска взяли Орел. Многие уже ждали их прихода в Москву. В это время исход борьбы было трудно предугадать. Но именно тогда появляется воззвание патриарха Тихона, обращенное к русскому духовенству. Вот его слова: «Памятуйте же, архипастыри и отцы, и канонические правила, и заветы святых апостолов: “Блюдите себя от творящих распри и раздоры”. Уклоняйтесь от участия в политических партиях и выступлениях, повинуйтесь вашему человеческому начальству в делах внешних (1Пет.2:14), не подавайте никаких поводов, оправдывающих подозрительность советской власти, подчиняйтесь ее велениям, поскольку они не противоречат вере и благочестию, ибо Богу, по апостольскому наставлению, должны повиноваться более, чем людям». Таким образом, патриарх Тихон в

этот решающий момент войны выразил верность принципу невмешательства Церкви в политическую борьбу при сохранении своей внутренней свободы.

Патриарх искренно и прежде всего сам отрекся от всякой политики. Когда отъезжающие в добровольческую армию просили тайного благословения вождям белого движения, патриарх твердо заявил, что не считает возможным это сделать, ибо, оставаясь в России, он хочет не только наружно, но и по существу избежать упрека в каком-либо вмешательстве Церкви в политику.

На основании циркуляра Комиссариата юстиции от 25 августа 1920 года власти на местах «проводили полную ликвидацию мощей». Такие действия еще ранее в обращении святейшего патриарха в Совнарком были квалифицированы как нарушение Декрета об отделении Церкви от государства.

Летом 1921 года разразился голод в Поволжье. В августе патриарх Тихон обратился с посланием о помощи голодающим, направленным ко всем русским людям и народам вселенной, и благословил добровольные пожертвования церковных ценностей, не имеющих богослужебного употребления, рекомендуя контроль верующих над их использованием. Однако позднее по постановлению ВЦИК от 23 февраля 1922 года изъятию подлежали все драгоценные предметы. Таким образом, речь шла об изъятии предметов, имеющих сакральный характер в Православной Церкви, что по церковным канонам рассматривается как святотатство (73-е Апостольское правило). Естественно, патриарх не мог одобрять такого полного изъятия, тем более, что у многих возникли сомнения в том, что все ценности пойдут на борьбу с голодом. На местах насильственное изъятие вызвало повсеместное народное возмущение. Произошло до двух тысяч процессов по России и расстреляно было до десяти тысяч верующих, в связи с этим расстрелян был и Петроградский митрополит Вениамин, как было уже сказано. Послание патриарха было расценено как саботаж. И в связи с этим он находится в заключении с апреля 1922 года по июнь 1923 года.

По делу над группой московских священников об изъятии церковных ценностей самого патриарха неоднократно вызывали на суд в качестве главного свидетеля. Вот описание очевидца допроса патриарха и поведения обвиняемых и слушателей.

«Когда в дверях зала показалась величавая фигура в черном облачении, сопровождаемая двумя конвойными, все невольно встали... все головы низко склонились в глубоком почтительном поклоне. Святейший патриарх спокойно-величаво осенил крестом подсудимых и, повернувшись к судьям, прямой, величественно-строгий, опершись на посох, стал ждать допроса.

“Вы приказывали читать всенародно Ваше воззвание, призывая народ к неповиновению властям?” – спросил председатель.

Спокойно отвечает патриарх: “Власти хорошо знают, что в моем воззвании нет призыва к сопротивлению властям, а лишь призыв сохранить свои святыни и во имя сохранения их просить власть дозволить уплатить деньгами их стоимость и, оказав тем помощь голодным братьям, сохранить у себя свои святыни”.

“А вот этот призыв будет стоить жизни Вашим покорным рабам?”, – и председатель указал на скамьи подсудимых.

Благостно-любящим взором окинул старец служителей алтаря и ясно и твердо сказал: “Я всегда говорил и продолжаю говорить как следственной власти, так и всему народу, что во всем виноват я один, а это лишь моя Христова армия, послушно исполняющая веления ей Богом посланного главы. Но если нужна искупительная жертва, нужна смерть невинных овец стада Христова”, – тут голос патриарха возвысился, стал слышен во всех углах громадного зала, и сам он как будто вырос, когда, обращаясь к подсудимым, поднял руку и благословил их, громко, отчетливо произнося: “Благословляю верных рабов Господа Иисуса Христа на муки и смерть за Него”. Подсудимые опустили на колени... Допрос патриарха был окончен... Заседание в этот вечер более не продолжалось».

Благодатная сила благословения святейшего видна из последующих событий.

На рассвете 25 апреля 1922 года был вынесен приговор: 18 человек – к расстрелу, остальные – к различным срокам каторги. На предложение председателя просить высшую власть о помиловании было отвечено горячей речью протоиерея Заозерского и отказом от лица всех приговоренных... Только вздох пронесся по залу при объявлении приговора. Ни стоны... ни плача... Приносилась великая искупительная жертва за грехи русского народа, и безмолвно разошелся народ. Было уже светло, солнце всходило, когда раскрылись тяжелые двери суда и приговоренные смертники, окруженные лесом штыков, показались на площади... Шли с непокрытыми головами, со скрещенными на груди руками, со взором, поднятым высоко к небу, туда, где ждет их Благостный Искупитель мира, где все прощено, все забыто, где нет ни страданий, ни зла... И громко-ликующе лилась их песнь: «Христос воскрес из мертвых...»

На долю патриарха Тихона выпало возглавление Русской Православной Церкви во время ее перехода к новой, самостоятельной жизни в условиях нового государственного строя. Этот переход, сопровождавшийся открытым столкновением двух противоположных мировоззрений (религиозного и атеистического), был крайне тяжелым и болезненным. И если бы не всё умиротворяющие, свойственные душе святейшего, кротость, добродушие и мудрость, он, конечно, был бы еще острее.

Патриарх рассказывал, что, читая в заключении газеты, он с каждым днем все более скорбел о том, что обновленцы захватывают Церковь в свои руки.

И вот самозванное обновленческое церковное управление созывает в мае 1923 года «Второй Поместный Собор Русской Церкви». Этот «Собор» лишил патриарха Тихона патриаршего сана и монашества, разрешил второбрачие священнослужителям, а также священнослужение женатым на вдовах или разведенных, ввел в жизнь брачный епископат. Один из бывших на этом «Соборе» молодых епископов – Иоасаф (Шишковский-Дрылевский) впоследствии рассказывал, как произошел акт лишения патриарха сана. Главари «Собора» Красницкий и Введенский собрали для совещания присутствующих на «Соборе» епископов, и когда начались многочисленные возражения против предложенной резолюции о низложении патриарха, Красницкий совершенно открыто заявил: «Кто сейчас же не подпишет этой резолюции, не выйдет из этой комнаты никуда, кроме как прямо в тюрьму». Терроризированные епископы (в том числе и сам Иоасаф) не нашли в себе мужества устоять перед перспективой нового тюремного заключения и подписали, хотя, по словам епископа Иоасафа, в душе почти все были против этой резолюции. 11 июня 1923 года в печати вышла «Инструкция о порядке регистрации религиозных обществ и выдаче разрешений на созыв съездов таковых». В этой Инструкции имелся следующий пункт: «Религиозные общества, не зарегистрировавшиеся в законном порядке в трехмесячный срок со дня опубликования Инструкции в “Известиях ВЦИК”, считаются закрытыми». Этот пункт постановления правительства в глазах обновленцев должен был совершенно покончить с остатками «тихоновщины», так как органы власти категорически отказывались регистрировать какие-либо православные общины, не находящиеся в общении с самозванным Высшим Церковным Управлением.

Но Бог судил иначе: 27 июня 1923 года в «Правде» и в «Известиях» было совершенно неожиданно опубликовано «Постановление Верховного Суда об освобождении гражданина Беллавина из-под стражи». Патриарх подписал заявление Верховному трибуналу с признанием всех возведенных на него в обвинительном акте обвинений, «с покаянием в них и с отречением от сочувствия монархическим идеям», завершавшееся указанием, что он отныне «не враг Советской власти». «Конечно, – писал патриарх, – я не выдавал себя за такого поклонника Советской власти, каким объявили себя церковные обновленцы, но уж и не такой контрреволюционер, каким представляет меня Собор... Я решительно осуждаю всякое посягательство на Советскую власть, откуда бы оно не исходило». По каким психологическим мотивам и в каких условиях подписал патриарх Тихон это заявление, он, насколько известно, никогда и никому не говорил, но никогда и не отрицал, что подписал его, не раз разъясняя буквально следующее: «Я написал, что отныне не враг Советской

власти, но я не написал, что я друг...» Тем, кто не понимал его поступка и соблазнился им, он говорил: «Пусть погибнет мое имя в истории, только б Церкви была польза». Англиканскому епископу Бюри, который также просил объяснений, патриарх напомнил слова апостола Павла: Имею желание разрешиться и быть со Христом, потому что это несравненно лучше; а остаться во плоти нужнее для вас (Флп.1:23-24). Он добавил, что лично с радостью принял бы мученическую смерть, но судьба остающейся Православной Церкви лежит на его ответственности.

Но еще за несколько лет до ареста патриарх ясно заявил в воззвании от 25 сентября 1919 года: «Установление той или иной формы правления – не дело Церкви, а самого народа. Церковь не связывает себя ни с каким образом правления, ибо таковое имеет лишь относительное историческое значение».

Вот почему, обличая нападки обновленцев «о контрреволюционности» православных, святейший имел право сказать: «И мы, и наша паства верны и Церкви Божией, и родному православию, и нашему правительству, и только враги Церкви, сеющие смуту и вражду, могут утверждать иное».

Одной из постоянных забот святейшего патриарха было выхлопотать для Русской Православной Церкви регистрацию, а вместе с нею и возможность легального существования в пределах Союза ССР. Как писал об этом позднее митрополит Сергей: «Отсутствие регистрации для наших церковно-правительственных органов создает много практических неудобств, придавая всей нашей деятельности характер какой-то нелегальности, хотя мы и не совершаем ничего, запрещенного законом республики, что, в свою очередь, порождает много всяких недоразумений и подозрений».

Властям казалось, что главная притягательная сила патриарха для русского народа заключалась не в церковной области, а в политической, в том, что он был его идейным вдохновителем. Поэтому они были убеждены, что после публичного отречения от враждебного отношения к Советской власти все противники ее, а таковыми были, по утверждению большевиков, все искренне верующие люди, увидят в заявления патриарха измену их идеалам и решительно отвернуться от него, и патриарх, выйдя из заключения, не сможет найти себе среди верующих и духовенства сколь-нибудь значительного количества приверженцев. В церковном же отношении всякая притягательная сила патриарха, по расчетам властей, была уничтожена авторитетом «Собора» 1923 года. В полной уверенности, что теперь патриарх и политически, и церковно умер для народа, власти объявили ему, что он свободен в области церковной жизни предпринимать, что сочтет нужным. Однако Советская власть, как безбожная, не учла одного и решительного фактора в церковной жизни – того, что Дух Божий правит Церковью. Случилось совсем не то, что ожидалось по чисто человеческим расчетам.

«Покаянное» заявление патриарха, напечатанное в советских газетах, не произвело на верующий народ ни малейшего впечатления. «Собор» же 1923 года не имел для него никакого авторитета; плохо разбираясь в канонических тонкостях, простой народ, однако, интуитивно почувствовал всю фальшь его постановлений. Подавляющая масса православных людей открыто приняла освобожденного патриарха как своего единственного законного главу, и патриарх предстал пред глазами властей в полном ореоле фактического духовного вождя верующих народных масс. То не была популярность, слава, обаяние личности. То не было и благоговение перед святостью и преклонение перед силой чудотворения, которыми окружена была личность о. Иоанна Кронштадтского, при всей видимой схожести встречи народом того и другого. Патриарх являл народу своей личностью радость сознания себя в Церкви! Отсюда ликование при непосредственном лицезрении его, принимавшее формы стихийного торжества чисто пасхальной настроенности. Отсюда тихая радость одного лишь сознания, что он есть.

Выход на свободу святейшего принес огромную пользу Церкви, восстановив и утвердив в ней законное церковное управление.

Об обновленцах патриарх говорил в своих двух воззваниях.

В первом из них, 28 июня 1923 года, он указывает на всю неканоничность, несостоятельность обновленческого «Собора», на котором, между прочим, из 67 присутствовавших архиереев было только 10-15 % законного посвящения, а все остальные – лжеепископы.

Во втором, первоиюльском, своем обращении патриарх говорит, в частности, о значении «практических мероприятий» обновленцев. «Обновленцы бессознательно или сознательно толкают Православную Церковь к сектантству, отступая от ее канонов».

Полностью же история, сущность и оценка обновленческого раскола и выводы, обязательные для всех членов Церкви, изложены святейшим патриархом Тихоном в его основном послании 15 июля. Это воззвание, прозвучавшее, как величественный благовест, по всей России, открыло собой полосу покаяния многих обновленцев. Кончается оно призывом святейшего к отклонившимся от церковного единства... «Умоляем сознать свой грех, очистить себя покаянием и возвратиться в спасающее лоно Единой Вселенской Церкви!»

Стремясь не на словах только к истинному церковному миру, святейший патриарх поручил состоявшемуся при нем архиерейскому Синоду вести переговоры с главенствующими обновленцами о присоединении их к Православной Церкви.

Толпами шли обновленческие священники и архиереи на путь покаяния перед Церковью и ничего они не встречали у святейшего, кроме безграничной ласки и все покрывающей, подчас совсем незаслуженной любви. «Он имел особенную широту взглядов, способен был понять каждого и всех простить», – вспоминал о святейшем Тихоне митрополит Сергей.

Но это не было уклонением от строго православной линии. Наоборот. «Прошу верить, что я не пойду на соглашения и уступки, которые поведут к потере чистоты и крепости православия», – твердо и авторитетно сказал патриарх (из его резолюции о примирении с Красницким на адресе Елизаветградского духовенства 26 июня 1924 года, за № 523).

Вот почему 5 апреля 1924 года (за № 291) он издал новое, краткое, но содержательное послание, обличающее тяжкие преступления вождей обновленческого раскола. В этом послании святейший патриарх на основании церковных канонов и от имени единомысленной с ним Российской Православной Церкви подвергнул обновленцев каноническому запрещению и подтвердил, что они, впредь до раскаяния, находятся вне общения с Церковью.

Но разнообразнейшие враги Православной Церкви ненавидели ее главу, святейшего Тихона. Он был истинным избранником Божиим, и на нем оправдались слова Христа: Поносят вам и ижденут, и рекут всяк зол глагол, на вы лжуще Мене ради (Мф.5:11).

Мало того – враги Церкви покушались на жизнь святейшего патриарха. 26 ноября 1924 года несколько преступников ворвались в комнаты патриарха и убили первым вышедшего на шум его келейника Я.О. Полозова.

К чести для верующих, истина православия восторжествовала, и святейший Тихон мог писать Константинопольскому патриарху: «Весь русский православный народ сказал свое правдивое слово как о нечестивом сборище, дерзко именующим себя собором 1923 года, так о нечестивых вождях обновленческого раскола... Верующие не со схизматиками (раскольниками), а со своим законным и православным патриархом».

Русский православный народ глубоко ценил и понимал, кем был святейший патриарх для Церкви, и горячо любил своего великого духовного отца. Близок русскому сердцу он и потому, что этот первосвятитель был истинно русским человеком, воплотившим в себе лучшие стороны своего народа, от внешнего облика до внутренних черт характера.

«Очень многие, – говорил один архиерей, – выражали близость к патриарху, воспринимая его как благодатного старца. Это знаменательно – близость высокого архипастыря! Нам надо помнить, светильником какого света он является, и быть такими же тихими, кроткими, молитвенными, непосредственными в обращении к Господу, чтобы его любовь к Нему сообщалась и нам, и чтобы у нас была близость и к нему, и к Богу».

Будучи сам добрым пастырем, отдавшим всего себя на дело Церкви, он к тому же призывал и духовенство. «Посвящайте все свои силы на проповедь слова Божия, истины Христовой, особенно в наши дни, когда неверие и безбожие дерзновенно ополчились на Церковь Христову. И Бог мира и любви будет со всеми вами» (Обращение к архиереям и пастырям 1919 года).

Он старался ставить достойных служителей алтаря и в общении с духовенством одобрял его. Последнему епископу, поставленному святейшим Тихоном, он сказал в своем приветственном слове: «Архиерейство – великая честь, но с ним связаны великие страдания. Через страдания же – к небесной славе!» (воскресенье, 23 мая ст. ст. 1925 года).

В проповеди о патриархе архиепископ Трифон (Туркестанов) вспоминал, как он, усталый, упавший духом, пришел к святейшему, а тот указал ему на архиерейскую панагию с изображением Богоматери. «Ей оружие пройде душу, и Она не предалась мрачному отчаянию, и мы должны по Ее примеру терпеливо понести свой жизненный крест» (из проповеди архиепископа Трифона 25 декабря 1925 года).

«Мы все приходили к тебе при жизни за утешением и назиданием, – говорил позднее другой архиерей, – и всегда встречали у тебя ласку и привет» (из проповеди архиепископа Августина на Пасху 1925 года).

Святейший патриарх Тихон жил радостями Церкви и болел, страдая ее скорбями. Он верил в духовное, истинное обновление Русской Церкви. Не мог патриарх не видеть и многих уродливых явлений в жизни нашего общества: безверия, нравственной распущенности. Это нашло свое отражение в его воззваниях к Русской Церкви. В них и горячий протест против глубокого материалистического понимания жизни, и так присущее душе святейшего чувство глубокого смирения, сознания человеческой неправды пред Божественной истиной.

«Ныне нужно дерзновение веры, – писал патриарх, – беспрестанное ее исповедание. Да возгорится пламя светоча вдохновения в Церкви Русской, да соберутся силы, расточенные в безвременьи. Пусть верные чада в союзе любви соединятся с архиереями и пастырями своими и вместе являют служение в духе и силе» (18 декабря 1917 года).

«Очистим же сердца наши покаянием и молитвою», – звал святейший патриарх.

Устроение самой церковной жизни святейший Тихон должен был осуществить в духе постановлений Священного Собора 1917 года, много работавшего над преобразованием различных сторон церковной жизни. Однако большинство этих реформ не было принято или вследствие преждевременного прекращения деятельности Собора по условиям того времени, или как не привившихся в церковном сознании.

Святейший Тихон на всех ступенях своей жизни и деятельности всегда протягивал народу руку помощи, всегда говорил ему доброе слово, всегда шел навстречу в его бедствиях.

И народ это понимал и жалел его искренне и глубоко, получив полное убеждение в его святости. Это мужественное и кротчайшее существо. Это исключительная, безукоризненно святая личность. На вопрос одного человека к епископу, как он относится к патриарху, он отвечал: «Я реально ощутил его святость».

В период кровавых междоусобиц, полных ужаса и стремлений, которые «не могут не производить гнетущего впечатления на сердца каждого христианина» (Послание 1919 года), он многократно обращался к верующим с церковной кафедры со святыми словами пастырского назидания о прекращении распри и раздоров. Когда вспыхнул голод в Поволжье, патриарх организовал Комитет помощи голодающим, его открытие 1 августа 1921 года ознаменовалось патриаршим богослужением в храме Христа Спасителя при огромном стечении духовенства и народа. После торжественного молебствия было прочитано патриаршее воззвание о помощи голодающим, обращенное к православной России и ко всем народам земли. Комитет, возглавляемый патриархом, собрал большие средства и сделал очень много для голодающих.

Ни один воскресный или праздничный день не проходил, чтобы святейший не служил в московских храмах или окрестностях Москвы. По-прежнему храмы эти даже в будние дни во время служения бывали переполнены. В уездных городах Московской губернии стечение народа бывало огромное, встреча и проводы патриарха очень торжественные. Рабочие везде покидали работу, и все светские и промышленные учреждения не работали в течение всего пребывания патриарха в городах.

После заключения патриарх проживал не в Троицком подворье, а в Донском монастыре, к нему со всех концов России приезжали разные лица, и в его приемной можно было увидеть епископов, священников и мирян: одни приезжали по делам церковным, другие – за получением патриаршего благословения и за утешением в горе. Доступ к нему был свободным, и келейник его лишь спрашивал посетителей о цели прихода. Патриарх помещался в трех комнатах, первая из коих в указанные часы служила приемной. Обстановка патриарших покоев поражала своей простотой, а беседа с ним, по словам видевших его, производила сильное впечатление. Святейший находил всегда несколько слов для каждого, даже приходящего только за благословением. Приезжих подробно расспрашивал о положении Православной Церкви в провинции.

Московский корреспондент парижской газеты «Энформасион» так описывает свои впечатления о святейшем и о приеме у него. «Спокойный, умный, ласковый, широко сострадательный, очень просто одетый, без всякой роскоши, без различия принимающий всех посетителей. Патриарх лишен, может быть пышности, но он действительно чрезвычайно дорог тысячам малых людей, рабочих и крестьян, которые приходят его видеть. В нем под образом слабости угадывается крепкая воля, энергия для всех испытаний, вера непоколебимая... Постоянные изъявления сочувствия и преданности, которые он получает со всех концов России, делают его сильным и терпеливым... Густая молчаливая толпа ожидала прием. Странники, заметные по загорелым лицам, большой обуви и благочестивому виду, ожидали, сидя в тени башенного зубца. Они сделали несколько тысяч верст пешком, чтобы получить благословение патриарха. Сельский священник, нервный и застенчивый, ходил вдоль и поперек... Горожане и крестьяне, люди из народа главным образом, долгие часы, порою дни ждут, чтобы открылась маленькая дверь и мальчик певчий ввел их к патриарху Тихону» (№ 219, 1923 г.).

О большой любви и благоговейном уважении к нему верующих красноречиво говорит та трогательная заботливость, которой был окружен святейший. Верующие сделали все, чтобы он ни в чем не нуждался, а после его радостного для них освобождения осыпали цветами своего любимого первосвященника.

Те многие и многие тысячи народа, которые стекались на его дивные службы, где на фоне общего великолепия к патриарху, простому и скромному и вместе неотразимо величественному, тянулись и взоры, и души всех!

Те многочисленные народные толпы, которые теснились к святейшему, чтобы только его увидеть, простаивали часами в храмах и около них и в жару, и в мороз, чтобы получить его патриаршее благословение.

Его огромный авторитет и общее почитание не ограничивалось пределами России. Православные восточные патриархи приветствовали его в 1917 году как своего брата и до самой его смерти, как правило, поддерживали с ним, насколько это было возможно, самую тесную каноническую связь.

Когда обновленцы в 1924 году стали распространять свою очередную ложь об «устранении святейшего всею Восточною Церковью», патриарх Сербский Димитрий в особой грамоте опроверг это утверждение, а обновленцам ответил советом прекратить церковную смуту и подчиниться святейшему Тихону, единственной главе Русской Православной Церкви.

Крайне больно было переживать все церковные беды любящему отзывчивому сердцу патриарха. Внешние и внутренние церковные потрясения, обновленческий раскол, непрестанные первосвященнические труды и заботы по устройению и умиротворению

церковной жизни, бессонные ночи и тяжелые думы, более чем годичное заключение, злобная гнусная травля со стороны врагов, глухое непонимание и неумная критика со стороны подчас и православной среды подточило его когда-то крепкий организм. Начиная с 1924 года святейший патриарх стал настолько сильно недомогать, что в день Рождества Христова написал свое завещание, в котором, согласно постановлению Священного Собора от 25 апреля 1918 года, указывает себе преемника по управлению Русской Церковью. (В силу этого распоряжения святейшего Тихона после его кончины патриаршие права и обязанности перешли к митрополиту Крутицкому Петру).

Усилившаяся болезнь – сердечная астма – вынудила святейшего лечь в больницу доктора Бакунина (Остоженка, дом 19). Однако, находясь там, патриарх Тихон регулярно выезжал по праздничным и воскресным дням для служения в храмах.

В воскресенье, 5 апреля, за два дня до своей кончины, святейший патриарх, несмотря на болезнь горла, выехал служить литургию в церковь Большого Вознесения на Никитской. Это была его последняя служба, последняя литургия.

Результат длинного богослужения и речи, сказанной святейшим Тихоном поставленному им епископу, не замедлил обнаружиться прежде всего в сильном раздражении горла. Однако святейший, по-видимому, чувствовал себя окрепшим и даже предполагал через несколько дней совсем выйти из больницы, тем более, что приближалась Страстная неделя. Но Господь судил иначе.

Преставление – 25 марта/7 апреля

В самый день праздника Благовещения Он призвал к себе первосвященника Русской Церкви.

Во вторник, 25 марта/7 апреля 1925 года, последний день его земной жизни, он принял митрополита Петра и имел с ним продолжительную беседу, после которой чувствовал себя очень утомленным. Еще за три часа до своей кончины патриарх беседовал с навещавшими его лицами, живо интересовался ходом церковных дел, сообщал о предполагаемом своем скором выходе из лечебницы и жалел, что недомогание не позволило ему совершить богослужение в великий праздник...

Вечером дежуривший при патриархе послушник К. Пашкович предложил ему прилечь отдохнуть, так как святейший страдал бессонницей: «Ночь все равно, Ваше Святейшество, Вы проведете беспокойно». Святейший ответил ему: «Теперь я усну... крепко и надолго... Ночь будет длинная...».

В половине двенадцатого ночи у святейшего начался сердечный приступ. Больной указывал на сердце и жаловался на боль. Была оказана обычная в таких случаях медицинская помощь, но пульс продолжал падать... Медицинские усилия оказались тщетны. Было 11 часов 45 минут вечера. Святейший патриарх Тихон умирал.

Умирал он с тихой молитвой к Богу, молитвой благодарности, славословия и крестясь: «Слава Тебе, Господи, слава Тебе, Господи, слава Тебе...» – не успел он перекреститься в третий раз.

Наутро звон церквей, молитвенно печальный, дрожал над городом певучей волной.

Ужасная весть быстро облетела столицу. В храмах начались богослужения. Верующие останавливались на улицах и передавали друг другу последние вести из Донского монастыря.

На следующий день были совершены во всех московских храмах литургии Иоанна Златоуста.

Знаменательно, далее, что патриарх умер в день смерти праведного Лазаря и за его погребением началась Страстная седмица.

Из патриаршей келлии, куда было сначала доставлено тело почившего, святейший был торжественно перенесен в сопровождении сонма духовенства во главе с преосвященным Борисом, епископом Можайским, в Большой собор Донского монастыря и облачен в

патриаршее облачение – золотое с темно-зеленой бархатной оторочкой, шитой золотом и образами. На голову надета драгоценная патриаршая митра. Присутствовавшие архиереи по окончании облачения вложили в руки святейшему трикирий и дикирий и его руками благословили народ при произнесении диаконом измененных слов богослужения: «Такое светится свет твой пред человеки и вси видеша добрая дела твоя и прославиша Отца нашего, Иже есть на небесах», точно сам почивший патриарх простился со своей паствой, в последний раз благословляя ее.

Поклонение почившему во гробе первосвятителю началось в среду и непрерывно продолжалось день и ночь, не прекращаясь во время всех богослужений.

В продолжении четырех суток служились панихиды над телом усопшего осиротевшими архипастырями и пастырями Православной Церкви, и день и ночь непрерывно шел верующий русский народ. После 5-7-часового стояния в огромной полутораверстной очереди входили в собор люди, съехавшиеся из всех городов России, куда успела дойти весть о кончине.

Входили с болезненно сжимающимися сердцами и с благоговением целовали последний раз холодную руку святейшего патриарха Тихона. И хотя большого количества прощавшихся в продолжении каких-нибудь ста часов не мог пропустить собор, однако проститься с патриархом приходило около миллиона человек.

В Вербное воскресенье, в Праздник ваий, хоронила Православная Российская Церковь своего патриарха. Отпевание совершали 63 архиерея, в числе которых были 5 митрополитов, во главе с местоблюстителем патриаршего престола высокопреосвященным Петром, митрополитом Крутицким, и около 400 священнослужителей. Колоссальные толпы мало-помалу запрудили собой не только весь огромный монастырский двор, всю территорию монастыря, но и прилегающую громадную площадь, поле и соседние улицы. Это представляло собой нечто небывалое, что-то такое большое и сильное, чего, не видев, нельзя представить, а увидевши, нельзя забыть.

Благолепно и без торопливости совершался чин отпевания. После печального напева «Вечная память...» наступило молчание, точно никто не решался подойти, чтобы поднять гроб святейшего и нести на место последнего упокоения.

И вдруг среди мертвой тишины раздались слова, кажется, ничего в себе не заключавшие, но которые по своей непосредственности и искренности дали выход общему чувству. Полились слезы...

На амвон вошел один из епископов. Он не говорил надгробные слова, он сделал, так сказать, административные распоряжения: «Сегодня мы погребаем одиннадцатого патриарха Всероссийского – Тихона. На похороны его собралась почти вся Москва. И я обращаюсь к вам с просьбой, которая безусловно должна быть выполнена. Дело в том, что весь монастырский двор переполнен народом, ворота закрыты, и в монастырь больше никого не пускают. Все прилегающие к монастырю площади и улицы запружены народом. Вся ответственность за соблюдение порядка лежит на мне. При таком скоплении народа малейшее нарушение дисциплины может вызвать катастрофу. Прошу, не омрачайте великого исторического момента, который мы сейчас переживаем с вами. Первым выйдет отсюда духовенство, потом епископы вынесут святейшего. Пойдут только священнослужители в облачениях, все остальные останутся на местах... Никто не сойдет с места, пока вам не скажут. Вы должны исполнить это безусловно в память нашего святейшего отца патриарха. И я знаю, что вы это сделаете и не омрачите ничем этих исторических минут...» Далее он подчеркнул единение, всегда царствовавшее между патриархом и паствой. В заключение он предложил присутствующим пропеть «Осанна». Песнопение было подхвачено многотысячной толпой.

Лес хоругвей двинулся к выходу. За ним по четыре человека в ряд выходили священники. На открытой площадке перед собором стояли носилки, на которые будет поставлен гроб. Кругом толпился народ, а около самых ступеней множество фотографов, направивших свои аппараты на носилки.

Из собора показалось шествие. Архиереи несли гроб святейшего патриарха. Пение хора сливалось с перезвоном колоколов. При пении «Вечная память...» гроб был поднят, и весь народ подхватил песнопение, как только процессия двинулась...

Сам народ устроил цепь. Ни толкотни, ни давки. Согласно воле почившего, перед самым погребением гроб патриарха был внесен в его келлию, где он столько пережил, столько выстрадал.

Затем процессия двинулась к так называемому теплому храму, где была приготовлена могила. В темные двери вошли архиереи, и двери за гробом закрылись. Все утихло. В молчании стоял крестный ход перед закрытыми дверями храма. Там проходила лития. Но вот раздалось пение: «Вечная память...» Это гроб святейшего патриарха Тихона опускали в могилу. Печальный перезвон колоколов точно плакал над раскрытой могилой почившего патриарха.

Вслед за духовенством народ устремился к большому собору и целовал место, где стоял гроб усопшего.

На ответственной посту первосвященника святейший Тихон пробыл семь с половиной лет. Трудно представить Русскую Православную Церковь без патриарха Тихона в эти годы. Так неизмеримо много сделал он для Церкви и для самой веры.

Заслуги святейшего перед Российской Церковью неисчислимы. Замечательные слова сказал о нем митрополит Сергей Нижегородский: «Он один безбоязненно шел прямым путем в служении Христу и Его Церкви. Он на себе одном нес всю тяжесть Церкви последние годы. Им мы живем, движемся и существуем как православные люди».

Святейший Тихон был мудрым и опытным кормчим церковного корабля в бурные годы. Он сумел провести и сохранить его среди бушующих волн житейского моря. «И уже в одном этом, – сказал над гробом патриарха профессор-протоиерей Страхов, – несомненная и величайшая твоя заслуга».

В смирении и подвигах святейшего патриарха была видна помощь Божией Матери, Которая всегда опекала и укрепляла его; известно, что первое служение Московского митрополита Тихона было в Успенском соборе в праздник Успения Пресвятой Богородицы, позднее он избирается Поместным Собором перед образом особо чтимой святыни – иконой Владимирской Божией Матери. Патриаршая интронизация состоялась в Кремле, в Успенском соборе в праздник Введения во храм Пресвятой Богородицы, и кончина совершилась тоже в Богородичный праздник – Благовещение.

Имеется еще одно знамение милости Божией Матери: в больнице, где находился перед кончиной патриарх Тихон, не было иконы. Он попросил принести икону, не указав, какую именно, его просьбу исполнили – из Зачатьевского монастыря принесли икону Благовещения Пресвятой Богородицы.

Несмотря на всю свою первосвященническую занятость, святейший Патриарх Тихон часто служил. В среднем в месяц он совершал 23-25 богослужений. Это был его благодатный подвиг предстояния престолу Господню. Это его земное предстояние Царю славы за Русскую Церковь ныне продолжается в предстоянии небесном.

На Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви 9 октября 1989 года святейший патриарх Тихон был причислен к лику святых: "память совершать в сей день его прославления (9 октября), а также внести в месяцеслов дату его преставления в день Благовещения Пресвятой Богородицы".

По материалам сайта: <https://azbyka.ru/days/sv-tihon-belavin>

Тропарь, глас 1:

Апостольских преданий ревнителя / и Христовы Церкви пастыря доброго, / душу свою за овцы положившаго, / жребием Божиим избранного / Всероссийскаго Патриарха Тихона восхвалим / и к нему с верою и упованием возопиим: / предстательством святительским ко

Господу / Церковь Русскую в тишине соблюди, / расточенная чада ея во едино стадо собери,
/ отступившия от правыя веры к покаянию обрати, / страну нашу от междуусобныя брани
сохрани / и мир Божий людем испроси.

Ин тропарь, глас 3:

В годину тяжкую Богом избранный / в совершенной святости и любви Бога прославил
еси, / во смирении величие, в простоте и кротости силу Божию являя, / положил душу за
Церковь, за люди своя, / исповедниче патриарше святе Тихоне, / моли Христа Бога, / Емуже
сораспаялся еси, / и ныне спасти землю Русскую и паству Твою.

Кондак, глас 2:

Тихостию нрава украшен, / кротость и милосердие кающимся являя, / во исповедании
православныя веры и любве ко Господу / тверд и непреклонен пребыл еси, / святителю
Христов Тихоне. / Молися о нас, да не разлучимся от любве Божия, / яже о Христе Иисусе,
Господе нашем.

Молитва святителю Тихону, Патриарху Московскому и всея Руси

О пастырю наш добрый, святыи великий патриарше Тихоне, яко град горный ты явился
еси — добрая дела твоя и донныне светятся пред человеки. Вемы, яко ты, предстоя престолу
Пресвятыя Троицы, велие имаши дерзновение в молитвах пред Господем. Воззри и ныне на
нас, грешных и недостойных чад твоих, к тебе бо, яко имущему велие дерзновение пред
Творцем всяческих, ныне припадаем и усердно молимся: умоли Господа, да подаст нам
решимость стяжать благочестие отцев наших, его же ты стяжал еси от юности твоя. Ты в
житии своем ревностный защититель и хранитель истинныя веры был еси, помози и нам
незыблемо соблюсти веру православную. Тихая бо душа твоя зело преуспела в
Божественном смиренномудрии, научи и нас разум наш питати не многмятежной
мудростию человеческой, но смиренным познанием воли Божией. Ты пред лицом лютых
врагов Христовых Ис-тинного Бога дерзновенно исповедал еси, молитвою своею укрепил
нас, малодушных, да и мы всегда и всюду противостанем духу безбожия и лести. Ей,
угодниче Божий, не презри нас, молящихся тебе, ибо не токмо от бед и скорбей избавление
просим, но силы и твердости, великодушия и любви просим, дабы переносить оныя
напасти, восстающия на ны. Испроси нам неослабное терпение даже до конца жития
нашего, мир с Господом и грехов отпущение. Отче святыи! Укrotи в стране нашей ветры
неверия и смуты, да водворит Господь на земле Российстей тишину и благочестие и любовь
нелицемерную. Молитвами твоими да сохранит ю от междуусобныя брани, да укрепит
Святую Церковь нашу Право-славную, да не оскудеет она истинными пастырями, добрыми
делателями, право правящими слово евангельской Истины. Упаси и заблуд-шие овцы стада
Христова. Наипаче же моли Господа сил, да возродится Русская земля святым покаянием и
единым сердцем и едиными усты прославит Дивнаго во святых Своих Бога, в Троице
славимаго Отца, и Сына, и Святаго Духа во веки веков. Аминь.

Преподобные Геннадий (+ 1520) и Никифор (+ 1557) Важеозерские (Олонецкие)

Память их празднуется 9 февр. в день преставления прп. Никифора

Прп. Геннадий и Никифор Важеозерские были учениками прп. Александра Свирского (память его 30 авг.). Сначала пришел к нему юноша, сын богатых родителей — прп. Геннадий. После подготовительного искуса в трудах, посте и молитве он удалился на пустынные берега лесного озера Важе и подвизался там в пещере. Быльем, овощами и редко рыбой поддерживал он свои силы. К концу жизни (+ ок. 1520) он имел двух учеников. Он предсказал им, что на месте их подвигов будет устроен монастырь. В 1510 г. к прп. Александру Свирскому пришел прп. Никифор, уже иноком зрелых лет, и стал для него незаменимым помощником. О прошлой его жизни известно лишь, что родители его были богатые крестьяне, воспитавшие его в страхе Божиим. По прошествии нескольких лет совместной жизни прп. Александр послал его к прп. Кириллу Новоезерскому (память его 4 февр.), чтобы научиться от него духовной жизни. Через несколько дней прп. Никифор дошел до берегов Новоезера. Достигнуть монастыря, расположенного на острове, можно было только на лодке. Наступил уже вечер. Утомленный долгим путем, паломник заснул. В это время прп. Кирилл, только что окончивший вечернее правило, был таинственно извещен о его приходе. Он переехал на лодке озеро, направляясь к тому самому месту, где спал прп. Никифор, и привез его в монастырь. Они провели 8 дней вместе, утешаясь взаимной духовной беседой. Потом прп. Никифор направился в Киев. Вернувшись к своему наставнику, он открыл ему свое желание основать монастырь. Обитель была воздвигнута на месте пустынных подвигов прп. Геннадия — во имя Преображения Господня.

Оба преподобные являлись больным, страдавшим головной болью, посылали их на богомолье в свою обитель и даровали им исцеление. Эти случаи известны. В эпоху Смутного времени обитель эта была разорена, но потом восстановлена и существовала до последнего времени. На могиле преподобных Никифора и Геннадия в 1858 г. воздвигнута была церковь.

• *Важеозерская Никифоро-Геннадиевская пустынь находилась на оз. Важе в 57 верстах от Олонца; ныне это территория Карелии (Петрозаводская епархия). С 19W г. называлась Задне-Никифоровской пустынью.*

• *Прп. Геннадий жил уединенно на месте будущей обители и преставился 8 янв. 1520 г. Прп. Никифор: уроженец этих мест, родом из крестьянской семьи, основал обитель, о чем свидетельствует грамота от 1557 г.*

Монахиня Таусия. Русские Святые